

Татар кызы

роман

У Загиды в последнее время пропало настроение. Ей было очень грустно. Из-за ссор с матерью в их отношениях не оставалось ни искренности, ни теплоты. С требованием Малахат-ханум она решительно не могла согласиться. Матери хотелось выдать её за Лутфи-бея, который происходил из благородных корней. Занимаясь поставками, он зарабатывал неплохие деньги. Загида просто терпеть не могла этого коротышку с гнилыми зубами и писклявым бабьим голосом, который в разговоре к месту и не к месту вставлял французское «мон шер». Особенно не нравилась ей, просто вызывала отвращение его манера пожимать руку вечно мокрой от пота ладонью. Как ни старалась, она не могла представить себе этого похожего на еврейского маклера человека своим мужем.

В представлении Загиды муж, кем бы он ни служил (ей это было безразлично), обязан быть выше неё ростом, сильным и обладать красивым, истинно мужским голосом, а взгляд приветливых глаз должен излучать гордость и властность.

Мало того, что Лутфи-бей не обладал ни одним из этих достоинств, он ещё и передвигался, как баба. Ни его благородное происхождение, ни деньги его не могли перебить брезгливости, которую он внушал.

Загиде было больно, что противоречие возникло на этой почве. Она знала, что многим обязана своей матери, и искренне любила её. Ведь та совершила настоящий подвиг самоотверженности, положив всю жизнь на заботу о Загиде, на воспитание её и учёбу, рассталась даже с мужем, чтобы уделять дочери больше внимания, ограждая от дурного влияния. Помня обо всём этом, Загида не могла взять в толк, как может мать настаивать на замужестве, оправдываясь тем, что желает, якобы для своей во всём отношениях безупречной дочери счастливого будущего. Неужели она готова принести дочь в жертву ради куска хлеба с сыром? В другое время подобное

подозрение не могло бы прийти Загиде в голову.

Девушка по молодости не представляла, как родная мать решилась выдать молоденькую свою дочку за столь нелепого человека. Это была загадка. Загида никогда не согласится с матерью. Однако та, похоже, отступать не собирается и с каждым днём становится всё настойчивей. Если раньше они говорили об этом спокойно, стараясь держать себя в руках, то в последние недели беседы превращались в откровенные скандалы, длившиеся целыми днями. Они постепенно наполнили жизнь девушки неизбывной тоской.

Вот и сегодня не то пять, не то десять раз мать заводила неприятный разговор, и Загида решила бежать в Ада к мадам Марике, их давней знакомой. Мать не возражала, говоря: «Вот и хорошо, будет время хорошенько подумать своей головой».

Загида несколько дней собирала в маленькую сумку вещи, которые могли ей понадобиться, и отправилась на пристань, чтобы на пароходе добраться до острова. Грустные думы теснились в голове девушки, не давая сосредоточиться на чтении начатого романа. У торговца газетами она купила сборник стихов, но и они не утешили её. Загида стала украдкой поглядывать по сторонам, изучая пассажиров, ехавших в салоне. Знакомых среди них не оказалось. Жаль, с ними ей было бы не так одиноко.

А отец?.. Будь у неё отец, с мамой, наверное, было бы легче разговаривать. Правда, у нас как-то не принято, чтобы отец с дочерью обсуждали подобные дела. Такого не встретишь даже в романах. Но Загида непременно поведала бы ему всё. С отцом вообще было бы легче, не перебивались бы на маленькое учительское жалование мамы. И о Лутфи не было бы разговоров.

«Всё же интересно, каким был мой отец? — думала Загида. — Диким татаринном, потомком чингизханского воина, лишённым всяких человеческих чувств, как любила повторять бабушка? Если это ложь, то почему он бросил дочь, которая оказалась теперь в столь трудном положении? Почему не

интересовался её воспитанием, учёбой и ни разу не попытался найти её, не захотел узнать, как закончила она школу?»

Ей вспомнились слова Зухры-джинги. Когда они ругались с бабушкой, она кричала: «Не женщина, змея ты! Ради своих капризов разлучила свою дочь с мужем и оставила золотце наше крошку Загиду сироткой!» Но если слова её — правда, почему отец не нашёл дочку? А может, он искал, да не нашёл? Может, в Стамбуле нет его, остался в Анатолии? А что, если её прятали от него?

В детстве ей приходилось видеть, как цыгане прячут своих детей-воришек, которые таскали у людей вещи. Она вспомнила, как мама с бабушкой тоже прятали её от кого-то за дверь и за окном. Вспомнила также, что ей запрещалось вскрывать письма. Были в семье какие-то тайны, неизвестные ей.

Загида долго не могла отвлечься от нахлынувших воспоминаний. Но вот внимание её привлекли две взволнованные чем-то девчужки-школьницы лет по двенадцати-тринадцати. Они вошли в салон, сели рядом на свободные места и продолжили разговор. Милые создания голосами, похожими на птичий щебет, говорили о школе, о переходе из класса в класс. Загида стала невольно прислушиваться к их словам. Она вспомнила о счастливых днях своего детства, когда у неё тоже не было других забот, кроме дневника. Что бы девочки не заподозрили её в подслушивании, она время от времени перелистывала страницы книги.

Одна из девочек была недовольна своими отметками в дневнике.

— Как же я теперь покажу дневник маме? И не только ей. Папа ведь тоже будет дома. Он говорил мне: «Хорошо закончишь класс, куплю тебе наручные часы». Что же будет теперь? — сокрушалась девочка.

Ученица постарше сказала:

— Ты же перешла в следующий класс! Так что всё хорошо будет.

— Перейти-то я перешла, да только не с такими отметками, как хотела.

— А если хотела, так постараться надо было, — заметила подруга.

— Думаешь, я не старалась? Да я по географии всё знаю — реки, горы, высочайшие вершины гор. Они думают, будто, не знаю, где добывают соль! И это называется экзаменом! Кому же не известно, что соль — в продовольственном магазине?

Девочки достали из сумок дневники. Загида заговорила с ними, проявляя интерес к их маленьким заботам, в надежде, что это поможет ей забыть на время о своей беде.

— Вы в какой школе учитесь? — спросила она, чтобы начать разговор.

— В школе Нишанташа, — ответили они в два голоса.

— А можно мне взглянуть на ваши дневники?

Обе охотно протянули ей дневники. Загида прочла имена девочек, которые, как, оказалось, принадлежали к народу, о котором она до сего времени не слышала. Одну звали Сююм, другую Гульчачак. Поинтересовалась отметками.

— Какая красота! Да вы молодцы, — хорошие оценки! А что вас так встревожило? — спросила она.

— Я географию знаю очень хорошо, — сказала девочка, которую звали Гульчачак, — а получила всёго-навсёго «девять»... За прилежание ещё хуже — только «шесть».

— Такое бывает, только не стоит из-за этого так переживать.

— Это верно, переживать, вроде не стоит, но что скажет папа, когда узнает?

— А кто это «Папа»?

— Так мы называем нашего отца, — пояснила Сююм. — А маму зовём «Мама».

— Мы — татары, — добавила Гульчачак.

Загида посмотрела на своих юных собеседниц внимательней.

— А кто такие татары? Разве всё мы здесь не турки? Нет теперь ни албанцев, ни бушнаков, всех нас называют турками, не так ли?

— Нет! Нас везде татарами зовут, — возразила девочка поменьше.

Эти искренние и общительные девочки очень нравились Загиде.

— А какая разница между турками и татарами? — спросила она. — Объясните, пожалуйста.

Младшая девочка сказала:

— Татары не двуличные. Они откровенные и трудолюбивые.

А старшая добавила:

— Строгие немного, зато очень искренние.

Так они беседовали всю дорогу. Загида узнала, что отец девочек инженер и до сегодняшнего дня служил в разных местах Анатолии. Девочкам пришлось учиться в нескольких школах, но в этом году их семья переехала в Стамбул.

Загида отметила, что в отношении девочек к родителям чувствуется исключительное уважение и искренняя любовь. Для Загиды это было необычно. Она просила детей почитать ей татарские стихи, интересовалась татарской кухней. Ей хотелось также знать обычаи этого народа. Девочки с удовольствием отвечали на все вопросы. Загида слушала, и боль души её отступала. Так они проговорили до того момента, когда пароход причалил к их пристани «Хайбалия». Прыгая, как резиновые мячики, девочки легко сбежали на берег и вскоре исчезли из вида. А Загида не спеша отправилась к дому мадам Марики. Хозяйка встретила её, приветливо улыбаясь.

— Ты приехала одна? А где же мама? Надеюсь, она здорова? — мадам засыпала гостью вопросами. — Сейчас я приготовлю тебе кофе, а потом провожу в комнату Капаны. Она, конечно, тесновата, но что поделать? Жизнь сильно подорожала. Вашу комнату я вынуждена сдавать квартирантам. Когда приедет твоя мама, придумаем что-нибудь... От Катины нет вестей, ничего не знаю. Что же с ней стало?.. Мы, матери, с такими трудностями растим детей, — сказала мадам, сокрушаясь, — а они потом забывают о нас. — Женщина смахнула с лица слезинки.

— Нет, мадам! Катина о вас никогда не забудет! Вы же знаете, почтовая служба у нас так несовершенна. Как знать, может, Катина сейчас

точно так же горюет, думая о маме?

— Всё так говорят. Только бы здорова была! Я с пароходом «Кортылыш» отправила ей письмо. Может, дождусь ответа. В дальние края девочек нельзя отпускать одних. Так вот у нас вышло... Вы, дочери, не слушаетесь матерей.

Загида почувствовала, что краснеет.

— Это верно.

Мадам отвела Загиду на самый верхний этаж. Открыла окно в сад соседского дома. Взгляд её задержался на рисунке дочери на стене. Щёки женщины снова намокли от слёз.

В соседском саду началось какое-то движение и шум. Там появился мужчина средних лет с большущим самоваром, над которым курился дым. На нём были армейские штаны и рубашка с коротким рукавом. Сзади попевал мальчик лет девяти-десяти с трубой, похожей на печную. На расстоянии от них малыш лет пяти-шести закидывал на деревья игрушку, приговаривая: «Пароход уходит! Он идёт в Атау!» Потом побежал за отцом и братом.

Мужчина поставил самовар под высокую сосну. Старший мальчик опустился на колени и стал дуть в низ самовара, пока оттуда не посыпались искры, потом водрузил на самовар трубу.

— Совсём как труба цементного завода, папа! — Вскричал он и добавил:
— Мы в моряков играем. Я — капитан!

Услышав знакомое «папа», Загида спросила:

— Кто эти люди, мадам?

— Это квартиранты Хулуси-бея. Отец их вернулся только сегодня. Они каждый день в это время пьют чай. Как ещё пьют!.. Однажды я понаблюдала за ними. Так только малыш целых три пиалы выдул. А когда к ним гости приходят, до полуночи сидят за самоваром. Я всё думаю, как бы пожар не натворили, но они, похоже, люди осмотрительные. Жена уж очень аккуратная... Татарами себя называют.

Загида неожиданно увидела знакомых девочек, своих спутниц по пароходу Сююм и Гульчачак. Одна несла чашки и другие чайные принадлежности, другая — скатерть с тарелками. На девочках были одинаковые халаты, украшенные вышивкой, на ногах лёгкие чупяки одного фасона. Загида принялась внимательно наблюдать за ними. Сююм застелила скатертью стоявший под деревом стол. Девочки вместе расставляли посуду. Старший из мальчиков носил скамейки. Малыш всё время вертелся возле отца и трещал без умолку.

Вскоре из дома вышла высокая женщина средних лет в лёгком халате с казаном в руках, накрытым крышкой. Она несла казан чрезвычайно осторожно. Подойдя к столу, потрогала самовар и что-то сказала старшему сыну. Тот молнией метнулся в дом и появился со старым отцовским сапогом. Мальчик снял трубу, надел на самовар сапог и стал раздувать угли действуя сапогом, как кузнец мехами. Самовар ожил. Из отверстий внизу посыпались искры.

Мадам Марика, стоявшая рядом, сказала:

— Это не мальчишка, а бесёнок какой-то, нет дерева на которое он не залез бы. На земле ни одной сосновой шишки не осталось, всё подобрал.

Служанка принесла небольшую газовую плиту со сковородой. Ханум снова потрогала самовар и, видимо, на этот раз осталась довольной. Она сняла крышку с принесённого ею казана. Служанка разожгла газовую плиту. Самовар тем временем вскипел и из него повалил густой пар. Ханум, заварив в довольно большом чайнике чай, посадила его на самовар. Сковороду с маслом поставила на плиту. Бей-эфенде сел во главе стола и велел детям вымыть руки. Ханум ложкой черпала из казана тесто и осторожно выливала в масло. Тесто, скворча и шипя, начало жариться.

— Что они готовят? — спросила Загида.

— Мучное блюдо. Они готовят его всякий раз, когда приходят гости. Сегодня в роли гостя у них хозяин, он ведь только что с дороги. Так что это в его честь...

Загида смотрела в окно так, чтобы её не было видно — как полицейский, выглядывала из засады. Вот мать что-то сказала Сююм. Девочка встала на место матери и продолжила жарить блины. Мать села напротив мужа. Гульчачак наливала чай.

Какая отрадная картина, смотреть — одно удовольствие!

Загида прислушивалась к разговору, однако всё услышать не удавалось, долетали лишь отдельные слова:

Вот отец семейства поставил перед собой полную чашку и сказал:

— Бисмилла.

Остальные, как по команде, сделали то же. Взрослые и дети, дождавшись своей очереди, тянулись за блинами. Чаепитие началось. Минут пять примерно за столом было тихо, лишь клокотал, испуская пары, самовар да шипела сковорода, напоминая о своём существовании... Гульчачак зорко следила за тем, чтобы чашки родственников не пустовали, тотчас наполняла их вновь.

Начались разговоры. Но поскольку говорили тихо, Загида ничего не поняла. Внезапно тишина взорвалась громким смехом. Смеялись всё — отец, мать, дети. Загида смотрела на них с завистью. Пробовала посчитать, кто сколько чашек выпил, но запуталась. Прошло несколько часов, а чаепитию и смеху в саду не было конца. Но вот даже самовар, похоже, устал, огонь в нём погас.

Счастье, радость семьи с отцом, матерью, детьми пленили Загиду. О своих невзгодах она забыла. Полная молодости, энергии, вышла на улицу и, поговорив немного со знакомыми соседями, весело зашагала к морю.

* * *

После моря зашла в сосновый лес. Когда вернулась домой, уже вечерело, и они с мадам Марикой сели ужинать. Потом Загида пошла к себе, чтобы, вытянувшись на диване, отдохнуть немного. Оказалось, что соседи снова собрались в саду. Разница была в том, что помимо знакомых ей членов семейства, за столом сидела ещё одна семья со своими детьми. Снова шумел и

пыхтел самовар, чашки непрерывно наполнялись чаем... В этот раз не было ни газовой плиты, ни мучного угощения. Стол ломился от множества разнообразных холодных изделий из теста.

Загида, не зажигая огня, расположилась возле окна. При свете электрических ламп, подвешенных на ветвях деревьев, ей всё было хорошо видно. Удобно устроившись, она продолжала наблюдение. Ей почему-то, было очень интересно знать об этой семье всё. Казалось, из разговоров незнакомых людей ей откроется нечто очень важное, совершенно необходимое ей в жизни, и она не отходила от окна ни на шаг. Но в саду беседовали приглушенными голосами, словно договорились что-то утаить от Загиды. Опустевшие чашки между тем наполнялись вновь и вновь.

Вот подросток сбегал в дом и вынес гитару. Отец стал наигрывать мелодию, незнакомую Загиде. При повторе гости подхвПапали её. Песня не была похожа ни на турецкую, ни на французскую. Загида вся обратилась в слух, силясь понять, о чём поют, но до неё доносились лишь отдельные искаженные турецкие слова.

Дети хором пели припев. Получалось довольно стройно и мило. Бей заиграл другую мелодию. Хозяйка с гостьей исполнили её дуэтом. Зазвучала плясовая. Две девочки и два мальчика приготовились плясать. Взрослые стали хлопать в ладоши и петь: «Бас, кызым, Апипа...». Гитара прибавила темп. Куплеты в исполнении певцов тоже зазвучали споро.

Загиде удалось запомнить лишь несколько слов и ухватить часть мелодии. Маленький мальчик продекламировал стихи. Взрослые хлопали в ладоши, говоря: «Машалла! Молодец!». Потом дети пели вместе, построившись, как на сцене. Наконец инженер-эфенде сам исполнил протяжную и сложную для исполнения песню. Голос его дрожал от волнения, и душа, казалось, обливается слезами. Он пел с большим чувством, и песня его летела далеко-далеко. Загида не могла знать, что в синей дали поднимаются родные его Уральские горы, широко разлились воды великой Идели. Он словно хотел, чтобы голос его услышали мать и отец, весь его далёкий край.

Помолчав, словно ожидая ответного отзвука с родины, инженер запел другую столь же протяжную песню. Гости слушали его с великим волнением.

Песня, от которой сжималось сердце и навёртывались на глаза слёзы, погрузила Загиду в печаль. Ей хотелось запомнить хотя бы небольшой фрагмент этой необыкновенной мелодии, однако, кроме слов «кара урман, кара урман», она ничего не могла запомнить – ни одной ноты, ни единого слова!

Загида почувствовала усталость от избытка впечатлений сегодняшнего дня, но не могла найти силы, чтобы оторвать себя от кресла, переключить внимание на что-то другое.

Гости наконец стали прощаться. Дети пошли в дом. Лампы погасли, сад окутался тишиной.

Загида без сил упала на кровать и вскоре забылась сном. Но полученные за день впечатления не оставляли её – всю ночь снились самые разнообразные сны. Являлись то бабушка, то мать с детьми и всё пели хором. То «Кара урман» повторяют много раз, то спляшут «Апипу».

* * *

Загида проснулась рано.

— Как бы инженер этот моим татарским родителем не оказался! – Пробормотала она. — А почему бы и нет? Всё сходится. Только этот человек культурный, а мой предок был грубым простолюдином, бессовестным и невоспитанным...

Догадка, случайно пришедшая в голову, уже не покидала её. Во время завтрака она постаралась выведать у мадам Марики, что за люди эти живущие по соседству татары, но поскольку подробного ответа не получила, решила пойти к мадам Алании, хозяйке дома, в котором жили вчерашние гости инженера, и расспросить её, что за человек этот инженер, кто его жена и единственная ли она у него. Так, с помощью татарской семьи она рассчитывала напасть на след исчезнувшего отца. А возможно, ей удастся

раскрыть тайну родителей – матери, по вине которой она осталась сиротой, и отца?

— Чего тебе не хватает, дорогая? — сказала мадам Марика, узнав о её намерении, но отговаривать не стала, и Загида, одержимая решимостью узнать всё, собралась к мадам АлМамаи.

Прежде чем выйти из комнаты, она подошла к окну, чтобы узнать, чем занимаются соседи. Там уже позавтракали, и дети собираются с отцом к морю. Девочки в фартуках хлопчут возле стола. Сама ханум возится с тестом. Сююм перемешивает в большом блюде фарш. Гульчачак нарезает кофейной чашечкой из тонко раскатанного теста кружочки. Сююм кладёт на эти кружочки немного фарша и, ловко приспособив тесто, лепит круглые шарики (у татар они называются пельменями — это их национальное блюдо) и рядами, словно солдатиков, выстраивает на покрытой полотенцем доске. Они не спеша переговариваются, смеются, а иногда громко, от души хохочут.

Прячась за кружевной занавеской, Загида, как и вчера, с неубывающим интересом наблюдала за ними. Так времени прошло порядком. Вдруг с нижнего этажа послышался голос мадам:

— Загида! Загида!

Девушка бегом спустилась вниз. Новость, которую сообщила мадам, превзошла всё её ожидания. Ханум оказалась второй женой инженера. Она – дочь доктора из Искешахара. Первая жена, уроженка Стамбула, некогда, якобы, сбежала от него. Зовут инженера Вахит. Лет двадцать он работал инженером в пригородах Анатолии, а теперь занимается оборонительными сооружениями Стамбула. В конце каждой недели он один-два дня проводит в семье. У него есть такая возможность, потому что занимает высокий пост.

Услышанное сразило Загиду. Её случайная догадка переросла в уверенность! Она решила тотчас, не откладывая, вернуться в Стамбул и потребовать от матери объяснений. Девушка даже обедать не стала, побежала на пристань и ломала голову над тем, что и как скажет матери. Возможно, ей предстоит серьёзная схватка с ней, нужно было обдумать

доводы в свою защиту.

Загида желала сегодня же узнать всё и без колебаний ступила во двор дома на перекрёстке улиц Касима-паша и Кортылыш. Позвонила в трёхкомнатную квартиру, перестроенную наподобие полуапартаментов из номера старой гостиницы. К двери никто не подошёл. Загида достала из сумочки ключ и, отомкнув замок, вошла.

Дома никого не было. Готовой еды на кухне не оказалось. «Видно, мама на целый день ушла в гости к кому-то из своих родственников, живущих на окраине города», — подумала она, и боевой дух её неожиданно сник.

Сначала Загида хотела разыскать мать, но, подумав, решила отложить объяснение, потому что оно могло стать поводом для нежелательного вмешательства родни в это и без того непростое дело. Голова девушки безостановочно работала, ища выход из тьмы, обступившей её со всех сторон.

Но вот конец верёвочки, похоже, был найден... Девушка вспомнила, как давно, ещё во время учёбы в средней школе, она пробудилась как-то среди ночи и увидела, что мама читает какие-то бумаги. Загида наблюдала за ней и видела, как из глаз её, не переставая, текли слёзы. Девочка тогда не придавала этому особого значения. Но теперь ей стало ясно как день, что причиной слёз были письма, в которых, очевидно, скрывается та самая тайна, которая могла бы внести определённую ясность в теперешнее положение. Чтобы найти письма, Загида взяла ключ от маминой шкапулки, где она хранила бумаги, документы, и открыла её.

Среди множества бумаг лежали связки писем. Взгляд Загиды упал на письма бабушки, отправленные дочери в Анатолию. Потом она взяла в руки письмо — одно из многих — написанное родственником из Европы.

Загида вскрыла другую большую связку. В ней было писем двадцать или тридцать. Времени прошло много, бумага пожелтела, однако написанное различалось чётко. Письма были пронумерованы по мере поступления. Вот письмо, которое начиналось словом «любимая». Девушка взглянула на подпись, сопоставила с другими, — всё письма были написаны одним

человеком, одним и тем же почерком. Первое письмо она проглотила единым духом, с жадностью умирающей от жажды зверушки. Это было дружеское послание мужчины, уверенного в том, что любим. В нём есть желание оградить жену от тревог и волнений, а также множество отеческих наставлений.

Это письмо ещё не открывало тайны родителей, напротив, всё говорило в нём о счастье и благополучии. Письмо второе и третье Загида так же прочла взахлёб. Пятнадцать писем, вобравших в себя два года жизни, были похожи друг на друга: в них повторялись одни и те же слова. Девушка не обнаружила в них ничего нового.

В конце писем отмечалось, что высланы достаточно крупные суммы денег. Всё одно и то же. Это начинало вызывать досаду. Загида перечитывала письма, выясняла даты. Поскольку работа отца была связана с переездами, весточки поступали из разных мест.

Чтение продолжалось. Вот в письме улавливается лёгкое недоверие. И тут же беспокойство о будущем ребёнке, просьба беречь себя, разные советы, вроде этого: «когда надо будет, обращай к такому-то доктору», и другие. Загида посмотрела дату. Речь шла о ней. Любовь неведомого отца к ней и матери казалась столь искренней, что девушка почувствовала её даже теперь. Душа невольно потянулась к человеку, написавшему это.

Последующие письма были полностью посвящены будущему ребёнку, который уже вырос и превратился во взрослую Загиду. Но вот и новость. Письмо напоминает огнедышащий вулкан — настолько сильно оно написано. Речь в нём об аборте. Отец вложил всё своё красноречие, всю силу ума своего, доказывая, как опасен аборт для здоровья. Он пишет, как настоящий доктор.

И наконец: «Ты не могла такое придумать. Это лишний раз доказывает, что гнилое окружение неволит тебя и толкает на преступление. Люди женятся, строят семью, чтобы растить хороших, почтительных детей. Ребёнок — это основа семьи, цемент скрепляющий её. Даже в трудное время дети способны приносить радость, вселять надежду. Они — бесценный дар природы.

Женщин, не умеющих ценить этот великий дар, всёмогущий Аллах всегда наказывал и будет наказывать. Постарайся понять это... Смотри же, будь осторожна, не оступись, поддавшись искушению шайтанов. Я, твой муж, категорически против! Тебя обманывают, говоря, что фигура твоя пострадает, и внушают прочие глупости... Лицо матери прекрасно, оно излучает свет, перед матерью преклоняется каждый человек. Разве можно сравнить мать с выхолощенной красоткой, оберегающей свою фигуру? Больше всего на свете я хотел бы видеть тебя не с одним ребёнком, а в окружении целой кучи любящих детей.

«Я перечислил довольно много денег. Если не хвПапат, быстро напиши мне. В случае чего, обратись за помощью к доктору М., ему я тоже написал. Он обещал постараться, чтобы всё было хорошо». В самом низу написано: «Прочти, не откладывая, книгу Эмиля Золя «Деньги». Здесь я не нашёл её».

Загида встала. До неё, похоже, дошло, что причиной бесконечных разногласий был ребёнок.

Неожиданно для себя она подумала, что в этом споре прав был отец. Увидев, как он счастлив в окружении детей, она поняла, что причина её уныния, которое нередко нападает на неё, — это одиночество. Сравнив холостяцкую жизнь своей матери с жизнью цветущей женщины, подарившей отцу четверых детей, она была уверена, что впереди многодетную мать ждёт ещё более счастливая доля.

Дальше письма были посвящены ребёнку. В письме, где отец желал супруге счастливого разрешения, он благодарил её. Дальше писал: «Ты хорошая женщина, только окружение твоё гнилое. Я рад, что ты приехала в Анатолию. Если бы осталась в Стамбуле, не знаю, что бы они с тобой сделали. Рожать поезжай в Стамбул. В этом я согласен с твоей матерью. Возле неё тебе будет лучше. Я тоже постараюсь сделать всё, чтобы во время родов быть рядом. Если не получится приехать, ложись в роддом, в тот самый. На другой не соглашайся. На цену не смотри. Самое дорогое — это твоё здоровье и здоровье ребёнка. Споров о ребёнке с окружающими тебя было много. Если

родится мальчик, назовём его Загидом, а девочку — Загидой. О прошлом пусть напоминает нам лишь имя ребёнка».

Загида с удивлением узнала, что в её имя заложен какой-то смысл.

В последующие шесть месяцев писем не было. Потом стали приходить из Анатолии. Адресованы были в Стамбул. Споры о Загиде всё не утихали. Отец писал, что по-прежнему надеется вернуться к жене. И чем ближе становился этот день, тем больше крепло его желание быть вместе. Он пишет: «Получил разрешение ехать в Стамбул. Побуду там месяц, а потом увезу тебя с собой. В городе Конья нашёл хорошенький дом с садом. Найти домработницу там будет нетрудно. Жизнь здесь дешевле. Заживём припеваючи. И маму в гости позовём».

Следующее по времени письмо было из Стамбула в Конья от бабушки. С первой строки до последней она учит дочь, как побольше сдирать денег с ненаглядного зятка. Жалуется на нездоровье. Говорит, что письма положено читать вместе с мужем, но это, первое, письмо показывать ему не нужно. Во втором письме бабушка сетует, как плохо ей без дочери, горько что её принцесса вынуждена страдать в гадком захолустье. Золотце её привыкло к хорошей жизни, среди грубых людей бедное дитя зачахнет. Дескать, её это ужасно волнует и огорчает.

Она бесконечно сожалеет о том, что, давая согласие на женитьбу, не взяла с зятя клятвенного обещания никогда и никуда не увозить дочку из Стамбула. А ещё ей ужасно обидно, что, вырастив столько детей, она не имеет возможности поехать на курорт лечиться. Мысль эту она настойчиво повторяла, пытаясь внушить.

В следующем письме бабушка писала: «Будь осторожна! Не вздумай забеременеть! Разве для того растила я тебя, чтобы ты каждый год рожала детей? Присланных вами денег не хватило. Если любит тебя, пусть пришлёт ещё. Можно ли обречь родную мать на нужду? Никуда это не годится. Боюсь, что живя с грубым мужем в Анатолии, ты тоже превратишься в грубую женщину. Делай что хочешь, но постарайся вернуться в Стамбул. Прикинься

больной, придумай ещё что-нибудь. Если будем вместе, жизнь моя наладится и тебе будет хорошо. Затруднения с деньгами так же решатся...»

Прочие письма были от отца. Он писал из своей слободы: «Самочувствие твоё тревожит меня, что случилось? Чем ты недовольна? Скучаешь по матери? Верю, но только теперь ты сама мать, Загида с тобой. Я тоже часто приезжаю. Что ты собираешься делать в Стамбуле? И правильно ли будет везти ребёнка в такую даль? Пусть подрастёт немного, тогда и поедешь. А если очень хочешь, пусть мать твоя приезжает сама. Пошли ей денег на дорогу. В конце месяца вернусь. Может, с помощью Аллаха, обзаведёмся братиком для Загиды? Как ты считаешь, верно я говорю? Было бы просто здорово, если бы появился у нас сынок! Заботься о себе, ешь побольше ягод и фруктов».

Тут переписка снова обрывается.

Письмо в Стамбул из Анатолии: «Как Загида? Начала ли говорить? Что она говорит? Будь разумной, не кутай ребёнка. В Стамбуле завели моду одевать детей в меховые шубы. Даже на севере в снежную морозную зиму мы не носили тёплой одежды. Воздух Стамбула не очень-то хорош для детей, а в Конья замечательно, дышится легко. Боюсь, как бы в Стамбуле среди отжившей свой век аристократии ребёнок не испортился. Будь внимательней к дочке. Что с тобой? Чего тебе не хватает? Мать рядом, ребёнок рядом, всё у вас есть. Так получилось, что жить мне приходится в пыльном деревенском доме. Частенько неделями не бывает возможности помыться в бане, страдаю оттого, что не удаётся рубаху лишний раз поменять. Неделями не ем горячей еды. Радует лишь, что страна, нация наша получит хорошие мосты. Но не смотря ни на что, я не жалуясь. Не понимаю, почему жалуешься ты? В Анатолии такого не было. Выходит, Стамбул не подходит тебе... Прочитал о проделках дяди твоего и очень встревожился. Что делать с такими ленивыми и безответственными людьми, у которых за душой нет ничего, кроме их аристократического чванства? В Турции есть где развернуться деловому

человеку. Труженики пусть зарабатывают и живут, а тунеядство, разгульная жизнь мешают человеку познавать жизнь и самого себя».

Спустя несколько месяцев снова в Стамбул: «Я не писал тебе, потому что заболел малярией. Хвала Аллаху, тело моё сопротивлялось изо всех сил. Теперь пошёл на поправку. Можно даже сказать, что почти здоров. А как ты? Я очень переживаю из-за того, что оставил тебя в Стамбуле. Если бы ты была в Конья, мне бы ничего не стоило раз в неделю или в две недели раз приезжать к тебе.

Поступила новая партия рабочих, всё такие грязные и вшивые. По долгу службы я обязан взять их. Если не стоять над ними, ничего не желают делать. Возможно, малярией я от них заразился. Мне бы не мешало хотя бы раз в две недели заниматься гигиеной. И вообще, разве быть вместе – не главное удовольствие в жизни? То, что один из нас в Стамбуле, а другой – где-то у чёрта на рогах в Капалидаре, конечно же противоречит здравому смыслу. Эту героическую работу я делаю ради тебя, но не уверен, что поступаю правильно... В последний раз в Стамбуле я оставил тебя только потому, что ты беременна. Там много докторов, есть лекарства. Хочется, чтобы и этот ребёнок, как Загида, родился здоровым. Тогда разлуке нашей пришёл бы конец. Может быть, и мне выпадет удача перебраться в такое место, где можно будет организовать более комфортную жизнь. Я ведь уже восемь лет мыкаюсь по вершинам гор, низинам, пропадаю среди скал.

Будь внимательна к своему здоровью. В случае необходимости обращай к доктору Назми, которого я приводил к тебе. Делай всё, как он велит. Не занимайся пустыми пересудами, не засиживайся допоздна. Ложись рано. Заруби себе на носу, что живёшь ты не только для себя, но и для ребёнка, которого носишь под сердцем. Армянского доктора тёщи близко не подпускай к себе. Он совершенно не нравится мне, похож на шарлатана, дурачащего женщин. Если понадобится что-то для будущего ребёнка, возьми в банке сколько надо. Если родится мальчик, я буду очень доволен, а если девочка, она превратит жильё наше в цветущий сад! Не так ли? Постараюсь, чтобы отпуск

мой совпал со временем твоего возвращения с ребёнком. Но до этого дня у нас впереди ещё много времени. Признаться, отдельной жизнью нашей я сыт по горло».

В Стамбул спустя месяц: «Прочитав письмо твоё, почувствовал себя так, словно в сердце мне всадили кинжал. Отчего это ты вдруг заболела? Во всём мире беременность для женщин считается естественным состоянием, почему же только для тебя она обернулась страданием? Почему рождение Загиды не было трагедией, хотя первые роды считаются наиболее сложными? Почему второй ребёнок стал бедой для тебя? Уверен, здесь замешано чьё-то дурное влияние. Могу в точности повторить слова, которые напели тебе эти люди: если будешь часто рожать, испортится фигура, погрязнешь в заботах, благородной женщине всё это не к лицу. Тут, конечно же, не обошлось без проклятого доктора Папазяна... Они внушают, что рожать тебе опасно! Если бы было опасно, разве доктор Назми не сказал? Умоляю, не верь никому! Как только получишь это письмо, сразу же иди к Назми-бею или же пригласи его домой. Если надо, пусть созовёт других докторов, устроит совет. Пусть посмотрят, решат, что делать. Насчёт денег не волнуйся, расходуешь, сколько понадобится. Не жалко, лишь бы ты была здорова и ребёнок родился крепким. Письмо твоё пришло в скверное время. Вот уже три дня мне не удаётся спать больше двух часов... Дни и ночи провожу на вершинах среди гор. Государство приняло решение срочно провести большие манёвры против соседа, любящего сверх меры бить себя в грудь, который затеял на островах некие планы против нас. Большая часть военного транспорта, основные грузы должны проследовать по дорогам, мостам и туннелям, находящимся под моей ответственностью. Всё это ново, построено только что. В распоряжении моём двенадцать мостов и несколько туннелей. Я обязан всё это держать под контролем, потому что по опыту знаю, как небрежны бывают порой инженеры, работающие под моим началом. Я бы так не боялся, если бы малейшая ошибка в расчётах одного моста, одного только туннеля могла принести урон мне лично. Но когда дело касается благополучия моей страны,

правительства, государства, я обязан стараться изо всех сил, быть постоянно начеку. От такого перенапряжения лихорадка моя ожила вновь. В одном кармане у меня хинин, в другом коньяк, во рту сухо, воспалённое лицо красное, как свёкла, мечусь сразу во всех направлениях, где на лошади, а где и пешком. И конца этому не видно. Ради благополучия страны я отдам все силы, сделаю всё зависящее от меня, чтобы военные могли продемонстрировать хвастливому соседу нашу мощь в нужном количестве, представить столько войска, сколько сочтут нужным. Тело моё горит, температура, наверное, поднялась до тридцати девяти градусов, а то, возможно, и до сорока. Но я не брошу свой пост. Уверен, что сосед, планируя нападение на нас, рассчитывал на небрежность наших дорожных рабочих, на плохое состояние дорог.

Наш долг инженеров-дорожников сорвать расчёт врага. Это одно из самых важных предназначений моей жизни.

Исходя из этого, хочу сказать, что твоё самочувствие, которое немного ухудшится в течение нескольких месяцев, кажется мне мелочью, не внушающей особых опасений. Я стараюсь ради национального благополучия Турции. Покажи это письмо матери. Я привлеку её армянского доктора к судебной ответственности, если посмеет посягнуть на жизнь моего ребёнка. Доктору Назми собираюсь послать телеграмму. Сам я не могу уехать, пошлю одного из рабочих, чтобы отправил её. Эти строки пишу, сидя на вершине горы. Меня ждёт куча дел. Да поможет мне Аллах! Будьте все здоровы – ты и дети мои...»

Через несколько дней: «Вчера последний состав прошёл благополучно, не зря я не спал восемь дней и ночей — результат налицо. Все наше войско, составы, гружёные оружием, прибыли на место на двенадцать часов раньше запланированного срока.

Я спокоен: достойно справился со всеми своими обязанностями. Но намаялся так, что едва держусь на ногах. Пишу это письмо, чтобы успеть отправить с почтой. Если бы не твоё письмо, вызвавшее у меня тревогу и

подозрения, давно бы уже лежал в постели. Просто с ног валюсь. Так что же произошло? Успело ли моё письмо? Как твоё здоровье? Избавились ли, наконец, от того гадкого доктора? Сообщи скорее. Если получу от тебя радостную весть, буду считать себя счастливейшим из людей. Я рад, что выполнил свой долг перед страной, сумел выполнить, и всё же душа не на месте... Если враг решил напасть, пусть нападает, ещё поглядим, кто кого... Хоть бы ребёнок родился благополучно!.. Принявшись за письмо, сунул под мышку градусник. Чёрт возьми, опять тридцать девять!.. Ну и пусть... Главное, войска наши заняли позиции и успешно делают своё дело...

Я весь в огне, глаза туманятся. Аллах да поможет мне. Жду твоего радостного письма. Поцелуй за меня дочку».

Загида прочла письмо и ощутила воодушевление, словно в подвиге отца есть и её доля. Но события, похоже, шли к развязке, поэтому у неё не было времени разбираться в своих чувствах. Она взяла в руки очередное письмо. Оно было из больницы Анкары, на официальной бумаге, похоже на повестку. Отец пишет: «Восемь дней прошло с тех пор, как я отправил тебе последнее письмо. Очнулся в больнице в Анкаре. Манёвры прошли успешно, генерал поблагодарил дорожных строителей, каждого в отдельности. Не увидев меня среди коллег, он спросил, где я. Я же в это время лежал без сознания в палатке на вершине горы. Со мной был один из рабочих. Поскольку всё доктора были с войском на манёврах, рабочий мой ничего не мог поделать, только позвонил по телефону в центр. Генералу рассказали, что я болен, что работал с высокой температурой. Он забрал меня из палатки и в собственном вагоне доставил в Анкару. Так он спас мне жизнь. Сейчас мне немного полегчало, но сил нет, встать не могу. Что ни день делают инъекцию. Видно, придётся побыть в больнице ещё неделю — дней десять. Выписавшись, хочу взять отпуск и поехать в Стамбул. Я всё ещё жду от тебя ответа на предыдущее своё письмо. Как со здоровьем? Позвала ли докторов? Писать больше не могу. Устал. Жду ответа...»

Ответа ждал не только отец её, инженер Вахит, но и сама Загида. Не дочитав письма отца, она, волнуясь, потянулась за другим, узнав руку бабушки.

Она писала по-старому арабским шрифтом, старательно выводя буквы. Письмо начиналось гневными, злыми словами, пересыпанными арабской и персидской лексикой. Загида сначала ничего не поняла, но потом, подбираясь ближе к сути, уловила течение мысли и, кончая чтение, покраснела от стыда, словно набедокуривший ребёнок. Она готова была расплакаться, так ей было тяжело. Кровь, казалось, застыла в жилах, голова отказывалась что-либо понимать, остались только мука, большое душевное страдание. В переводе на обычный язык смысл письма был прост: чтобы так опостылеть жене ненужными упрёками и наставлениями, надо быть очень грубым, невоспитанным человеком. Я знала, каков ты, только никому не рассказывала. Можно ли из захолустья Анатолии с её дурацкими горами и долинами так поносить больную беременную женщину с её издёрганными нервами? Спасибо доктору Папазяну, он спас мою дочь, вычистил её. Теперь она в больнице. Чтобы помочь девочке, мне пришлось пожертвовать собой, взвалить на себя большие хлопоты. Всё украшения, какие были у нас, пришлось заложить в ломбард... Если хочешь, чтобы жена поправилась, пришли денег... Вот такое содержание.

Тут же было официальное извещение доктора Назми: «Я трижды ходил к твоей жене. Тёща под разными предлогами не дала мне увидеть её. Мне кажется, что всё у неё было нормально. При прежнем осмотре не было ничего, что вызвало бы какое-либо подозрение. Думаю, Аллах поможет, всё будет хорошо и без моего участия».

Загида не могла понять, как письма, адресованные отцу, попали к матери. Может, они не были отправлены? Или каким-то образом выкрадены у него? Ломая голову над этой загадкой, она взяла в руки следующее письмо.

Письмо матери, отправленное отцу, лежало рядом с письмом бабушки. Оно было написано как-то неуверенно, словно мать не договаривала чего-то.

Она, будто, признавала свою вину, но тут же оправдывалась, говоря, что совершила грех только из-за слабости характера. «Мама была категорически против второго ребёнка... И доктор Папазян твердил при каждой встрече: «Жизнь твоя в опасности. Тебе нельзя рожать». Я, как ты учил, возражала, но под настойчивым требованием мамы вынуждена была глотать таблетки, которые давал Папазян, и сделалась больной на самом деле. Меня отвезли к доктору-еврею и, усыпив, сделали операцию, которая прошла очень тяжело. Ребёнок был живой. Сестра милосердия сказала, что это был мальчик. Мне его не показали... Что же делать, видно такова судьба... Я сейчас очень слабая, плохо сплю. Доктору пришлось заплатить много денег... Алмаз, серьги, которые ты мне подарил, продали. Деньги в банке тоже пропали. Дядя Фикрят Фахим-бей проиграл большую сумму в покер. Платить ему было нечем, и он написал шартнамэ. Но неоплаченный проигрыш, как оказалось, считается большим позором. Чтобы спасти доброе имя семьи, мне, по настоянию мамы, пришлось снять в банке пятьсот лир, на которые мы жили всё это время, снимая по мере надобности по сто лир. И вот остались без денег. Задолжала доктору. Он без конца напоминал о долге, так что с драгоценностями тоже пришлось расстаться. Срочно пришли денег, я в большой нужде...»

Прочитав это, Загида пришла в ужас. Да как же это можно?! Ни слова о здоровье отца, о трудном его подвиге во имя отечества, ни желания утешить больного. Долгое лечение мужа в больнице, его беззаветная преданность родине, почести, оказанные военными, всё это, оказывается, совершенно не важно. Важны, видите ли, только аристократическая спесь и гордыня. Да что же это за воспитание такое, что за взгляды!.. Живут в самом центре Стамбула, а мораль чужих, посторонних людей! Загида будто своими глазами увидела, какая пропасть разделяет отца, готового пожертвовать собой ради блага страны, и это безнравственное общество. Мосты, возведённые ценой подвижничества, и загубленная стараниями чистоплюев семья. Наконец-то она всё поняла, но ей нетерпелось узнать, что же было дальше. Следующей оказалась телеграмма отца: «Завтра буду в Стамбуле». Он раньше срока

покинул больницу. Был вынужден покинуть. Загида глубоко прочувствовала, какие муки пришлось ему пережить из-за бесчеловечного, неблагодарного отношения матери и её родни. Стало ясно, как безвольная мать её, попав в жернова двух противоположностей, оказалась жертвой. Загида с волнением взяла следующее письмо, адресованное матери спустя шесть месяцев. События, подробно описанные отцом по дням и месяцам, во всю ширь развернулись пред мысленным взором Загиды.

Начиналось письмо словами, полными волнения и скорби... Отец обвинял жену в том, что она разрушила семью, не вняв его словам и пожелав остаться с матерью. «Что делать, случилось то, что должно было случиться, — пишет он. — Я уже забыл о том, что ты растранирила тысячи лир, которые я, заработав нелёгким трудом, копил для своих детей, потрПапала их на праздную щегольскую жизнь никчёмной родни. Простил тебе даже то, что погубила свет очей моих, долгожданного сыночка, поддавшись фальшивым идеалам насквозь разложившейся среды.

Теперь, пообещав мне, что впредь подобное не повторится, ты приедешь ко мне в Эрдижан. Ты в праве принять моё условие или не принимать. Если нет, тогда я по-своему распоряжусь своей жизнью, но прежде чем решиться на что-либо, подумай о дочери которой придётся расти без матери или отца...»

Письмо потрясло Загиду, казалось, она видит страшный сон. Силы покинули её. Внутри будто что-то оборвалось, из глаз полились слёзы. Она громко зарыдала. Слёзы принесли некоторое облегчение. Девушка взяла себя в руки и продолжила чтение. На очереди оказалось решение суда. В нём говорилось, что инженер Вахит и мать её, удовлетворив требования друг друга, разводятся. Загида должна была остаться с матерью, а отец получил право в любое время видеться с дочерью и должен был ежемесячно выплачивать алименты.

* * *

Оставшиеся бумаги были квитанции денежных переводов отца. Всё они из разных городов Анатолии, поступали в первый день каждого месяца.

Обратная сторона квитанций была заполнена расспросами о здоровье Загиды. Сумма в них была одна и та же, но весной и осенью увеличивалась, чтобы мать могла купить дочери одежду и прочие необходимые вещи. В дни рождения Загиды появлялись квитанции с наказом: «Купи дочери подарок». Были и советы: «Если ребёнок заболит, покажи его (такому-то) доктору. Пусть лечит за мой счёт».

Два года кроме квитанций не было ничего. Но вот пришло большое письмо. Отец был недоволен, что ему, когда он специально приезжает в Стамбул, не показывают дочь под всякими предлогами. «Если такое повторится, — предупреждает он, — я обращусь в суд». Однако после этого письма переводы продолжали поступать всё так же регулярно. Приходили и деньги на подарки. Через два года состоялось второе решение суда о том, что отец Загиды имеет право дважды в неделю беспрепятственно видеться с дочерью. В случае помех, говорилось в нём, выплата алиментов будет прекращена.

И всё же снова квитанции и ещё письмо, в котором отец возмущается тем, что ему по-прежнему не дают видеться с дочерью. Он предлагает за его счёт отдать Загиду для учёбы в определённый интернат. Если это предложение выполнено не будет, пишет он, деньги высылать перестанет.

После письма было ещё несколько квитанций и сообщение о том, что выплата алиментов прекращается. На этом переписка заканчивалась.

Среди бумаг Загида обнаружила фотографию, где родители были в свадебных одеждах. И другую, где двухлетняя Загида с родителями. Вторую фотографию девушка положила к себе в сумочку. Хотела взять два письма бабушки и матери, чтобы перечитывать их, но передумала: слишком много в них было слов, которые язвили ей душу. Девушка собрала письма и вернула на место, шкатулку заперла. Выходя из дома, позаботилась о том, чтобы мать не догадалась о её приходе. Она твёрдо решила встретиться с отцом и за всё попросить у него прощения...

Пароход отправился. К Загиде подседа женщина и начала пить кофе, закусывая кренделем с маком. Тут только девушка поняла, как голодна. Едва пароход причалил к берегу, она выпрыгнула из него и поспешила к дому мадам Марики.

Мадам занималась починкой. Она как-то странно посмотрела на Загиду. Та спросила, не поняв значения её взгляда:

— Что случилось, мадам Марика? Почему ты так смотришь на меня?

— Да ничего не случилось, просто мне показалось, что ты изменилась как-то. Произошло что-то? Мама, надеюсь, здорова? Может, узнала какую-то неприятность?

Чтобы успокоить женщину, Загида сказала:

— Ничего такого не было, просто устала немного. Ты же знаешь, я собираюсь поступать в университет, а мама не разрешает. Я тайком от неё ходила туда и до вечера занималась делами по поводу экзаменов. Поест не было времени. И маму некогда было искать. Уж ты, мадам Марика, не говори ей, пожалуйста, об этом. Я так проголодалась, так устала. — Она поднялась к себе.

— Я сейчас приготовлю что-нибудь, — крикнула ей вслед мадам.

Загида сразу же подошла к зеркалу. Лицо её и в самом деле изменилось, увяло как-то, глаза померкли... Искры, которые обычно вспыхивают в них при улыбке, погасли. И румянец на щеках пропал. Она смахивала на страдающую роженицу. Присущая ей детская непосредственность, наивность исчезли куда-то. Она была серьёзна, как умудрённая жизнью, опытная женщина, и казалось, повзрослела лет на десять.

— Что же произошло? Какой злой дух преобразил меня? Передо мной уже не та Загида, а совсём другая. Может, я не та, чем была, — может, в меня вселился дух бедного братца, умерщвлённого армянским доктором?.. Какие дурацкие, однако, мысли! А что, может, так оно и есть? Известны же философы, которые утверждают, будто существует переселение душ?

Из писем ей стало известно, как долго страдал отец, как трудно жилось матери, у которой не было сил постоять за себя. Всё это свалилось на Загиду, смяло, раздавило её, превратив в подобие выжатого лимона. В течение нескольких часов она попыталась жить в той среде, где существовала мать, испытывая на себе притеснения безграмотной, спесивой, эгоистичной бабушки, которая на протяжении многих лет, думая только о себе, обрекала мать на отчаянье и раскаянье, что и сделало её такой, какая она есть. Вот почему за один день Загида постарела на несколько лет, утратила жизнерадостность, из ребёнка превратилась во взрослого человека...

Ненависть к отцу, которая была внушена ей неправильным воспитанием, превратилась в уважение и любовь к нему, а вместо бывшего уважения к матери в душе появилась великая обида и осталось немного жалости.

Пока мадам Марика возилась на кухне, Загида вытянулась на кровати. Она пыталась собрать свои растрёпанные мысли и натизать их, как чётки, на одну нить. Когда у неё не было ответа, она терялась, оказавшись в плену противоположных мыслей и отрицающих друг друга чувств, искала спасения и не могла найти.

Голос мадам Марики, звавший её к столу, развалил всё возведённые ею хлипкие построения.

Загида встала и пошла вниз.

Она с жадностью съела горячий суп, так же быстро разделалась с мясом и картофелем, выпила чашку воды и лишь потом спросила:

— Мадам, я в самом деле плохо выгляжу?

— А какое это имеет значение? Вот ты поела, попила и снова стала прежней Загидой. В молодости подобные неприятные перемены проходят быстро, их словно ветром сдувает, а вот когда стареть начинаешь, тут уж спасения от них нет — они, как клопы, исчезают в одном месте и тут же, глядишь, выползают в другом, — ответила мадам.

Выдержка вернулась к Загиде, а покоя не было.

— Мадам Марика, завари, пожалуйста, мне кофе в большой кружке, — попросила Загида, задумчиво жуя фрукты.

Голова её снова была занята противоречивыми мыслями, которые не давали забыться, швыряя её из стороны в сторону.

Волны пленительного аромата кофе, перед которым не в силах устоять ни один стамбулец, невольно подхватили Загиду, словно неуправляемую лодку, и понесли в море блаженства и легкомысленной мечты, но тяжкий груз, лежавший на душе девушки, тотчас отрезвил её.

Привалившись на спинку дивана и потягивая кофе, она вновь погрузилась в раздумья. Что же произошло? Прежде всего Загиды, которая считала, что изверг-отец бросил её, и только благодаря самоотверженности матери она выросла и получила воспитание, больше нет. Та Загида испарилась, пропала.

Выкинуть в одно мгновение всё, что годами вколачивалось в неё, было нелегко. А она сделала это и освободилась от прежних заблуждений. Отныне Загида чувствовала себя совершенно свободной. Это была её огромная победа. Но... она потеряла мать. ореол героизма и святости женщины, пожертвовавшей собой ради маленького ребёнка, погас навсегда. Былое уважение иссякло, превратившись в странное и неопределённое чувство. Были в этом чувстве и горькая обида («почему оставила меня без отца?»), и боль, которые были сильнее сострадания и жалости. Хотелось оправдать её, приписать всё грехи бабушке, но это было бы неправдой. Мама тоже была виновата.

Загида долго думала, как сложатся теперь их отношения. Но решить ничего не могла. Повезло, что они не виделись после прочтения Загидой писем. Надо выждать время, чтобы чувства немного улеглись. Отношения их, разумеется, прежними оставаться не могли.

Представления сегодняшней Загиды вышли за пределы устоявшихся понятий о добре и зле. Она досадовала на мать за её безволие и униженность, печалилась, не понимая, как могла она собственными ногами растоптать своё

достоинство, судьбу и удачу, отказавшись от счастливой, благополучной жизни.

Зато в результате всех этих событий она обрела отца! Письма его показывали, что он примет её с радостью, будет любить, станет для неё отцом в истинном смысле слова. У неё не было и тени сомнения, что всё будет именно так. Для начала ей хотелось поцеловать ему руку.

Хотя пока она была знакома лишь с девчушками с парохода, всё же не сомневалась, что в семье отца всё такие же искренние и безгрешные люди. Женщина, заменившая её мать, подарившая отцу детей, подруга его жизни... Она — душа дома, семьи... Интересно, как примет она Загиду?

Как бы там ни было, главное: Загида нашла отца. Теперь она тоже будет членом его семьи. Вот о чём думала девушка.

Однако, пора встретиться с отцом, надо спешить... Она пошла в свою комнату.

Соседский сад был пуст, ни души. В голову вдруг пришла напугавшая её мысль: что, если они уехали, пока Загида была в городе?! Отец — ответственный работник, такова его судьба: сегодня он здесь, а завтра — в совсем другом месте. Но купальники на деревьях всё же внушали Загиде надежду. Она испытывала перед встречей страх, и он не исчезал.

Стемнело. В саду по-прежнему было тихо. Скоро должен прибыть последний пароход. Неужели они решили остаться в городе на ночь?» — подумала девушка. И тут в саду послышались голоса. Зажглись лампы. Дождавшись, пока всё семейство соберётся к столу, она успокоилась и забылась сладким сном.

* * *

Утром Загида радостно вскочила с постели, не умываясь, надела купальник и бегом направилась к морю. Так она обычно поступала с детства в праздничные дни. Её теперешняя жизнь несомненно будет отличаться от прежней. Она с чистой душой вступала в свою новую жизнь и потому с утра спешила к морю, чтобы в последний раз омыть в его солёных водах также и

тело. Душа и тело на пороге новой жизни должны быть чистыми. Не думая ни о чём, наслаждаясь свежим прозрачным утром, девушка подбежала к кромке, и прыгнула в воду. Вокруг не было ни души. Она долго плавала, плескаясь. В прохладной воде душа её успокоилась. Голова стала ясной. Загида бегом вернулась домой, с удовольствием позавтракала и, уйдя к себе, стала готовиться к встрече с отцом. Причесалась, надела чистое платье, ещё раз бросила взгляд в зеркало, проговорила слова, которыми собиралась начать разговор. Словно актриса перед спектаклем, повторяла Загида фразы, которые хотела сказать хозяйке и детям.

Она была уже на пороге, когда ещё раз взглянула в окно. Отец с детьми, нагруженные купальным принадлежностями, шли к воротам. Загида видела, что девочки тоже складывают в сумки свои купальники и полотенца. Как же быть? Если выйдет сейчас, отца она не застанет. Может, догнать его? Получится как-то бестолково и неловко. Оставалось ждать их возвращения...

Загида взяла книгу и стала читать. Однако сосредоточиться не могла. Она не знала, чем занять себя. Вышла в сад. Некоторое время постояла на улице у ворот. Наконец наступил полдень. Отец с детьми должен вернуться к обеду. Загида ждала, не спуская с дороги глаз.

Она готовилась к самому важному историческому моменту своей жизни, который должен был круто изменить её судьбу. Наконец, они показались. Отец с мальчиками шёл впереди, ханум с девочками чуть приотстала. Загида, тяжело шагая, пошла к воротам, чтобы встретить отца возле них. Отец что-то объяснял сыновьям. Он обратил внимание на молоденькую девушку, которая шагнула навстречу. Вот она остановилась и сказала:

— Отец, я дочь твоя Загида, — и начала целовать руки растерявшегося инженера. Она дрожала от волнения, слёзы, обильно бежавшие из глаз, замочили ему руки.

Инженер Вахит не знал, что сказать.

— Доченька!.. Загида... Ты ли это?.. Машалла!.. Как же ты выросла! — проговорил он, запинаясь. Потом обнял дочь и поцеловал в лоб и глаза.

— Милая, дитя моё, — говорил он, прижимая её голову к груди. Слёзы капали из его глаз. Мальчики с удивлением наблюдали, как отец целует незнакомую девушку.

Взволнованный инженер хотел сказать что-то и не мог.

— Посмотри, ханум, — сказал, наконец, — это Загида, дочь наша.

Женщина подошла и очень искренне сказала:

— Добро пожаловать, дочка, — и поцеловала девушку в лоб.

Детям, которые окружили их, отец объяснил:

— Это старшая сестра ваша Загида, — глаза его при этом лучились радостью и счастьем.

Обе девочки схватили Загиду за руки.

— О! — воскликнула Сююм, — да ты, оказывается, сестра нам! Почему раньше, на пароходе, не сказала?

— Сладкая моя, — улыбнулась Загида, — я и сама не знала. — Она ласково потрепала девочек по голове.

— Что же мы на улице стоим? — сказала ханум, — давайте пойдём в дом.

Держась за руку отца, Загида впервые ступила на порог дома, который теперь могла назвать своим.

Они сели вокруг стола в саду. Инженер Вахит всё ещё не мог опомниться от счастья, внезапно свалившегося на него.

— Отец очень скучал по тебе, — сказала ханум. — Замечательно, что ты появилась. Машалла, ты так похожа на него!

Загида покраснела. Они и в самом деле были очень похожи.

Доказывать, что она дочь Вахит-бея, не было никакой необходимости.

Любопытные девочки продолжали задавать свои детские вопросы, смущая Загиду:

— А раньше почему не приходила к нам?

Мать сказала им:

— Вот же, пришла. Не надоедайте сестре.

Чтобы удовлетворить любопытство девчушек, Загида сказала:

— Я не знала даже, что отец жив. В детстве мне говорили, что он уехал к себе на родину и умер там. Я только вчера нашла своего отца, и вот я здесь.

Взгляды ханум и Загиды встретились. Ханум смотрела с одобрением. Отец спросил Загиду:

— Как у тебя с учёбой, дочка?

— Я окончила лицей. Выпускные экзамены сдала полностью. Собираюсь поступать в вуз, но возникли некоторые препятствия.

Пока отец с дочерью разговаривали, Сююм принесла кофе, Гульчачак – сахарницу. Кофе прежде всего подали отцу, потом матери, а после Загиде.

Так хорошо прошло первое знакомство.

Приготовили обед. Ханум посадила Загиду рядом с отцом и была очень естественна, радушна. Но Загида всё равно чувствовала себя стеснённо, словно своим присутствием расстраивала какой-то порядок семьи. Дети обращались к отцу «Папа», она же по-турецки называла его «бей-атам». Загида не знала, как ей следует обращаться к жене отца, и решила называть её «мамой», но ханум сказала:

— Деточка, у каждого бывает только один отец и одна мать. У тебя так же. Я мать твоих братьев и сестёр, для тебя я — «апа» или «тутам». А ты у нас старший ребёнок, такой же полноправный член семьи, как всё.

Загида покраснела, словно ученица, неверно ответившая на вопрос учителя.

— Хорошо, тутам, — сказала она.

Еда на столе была незнакома Загиде: суп, варёная курица, треугольные пирожки с картошкой и мясом – горячие блюда. Загида с удовольствием ела всё это. К чаю подали обычные стамбульские изделия.

После обеда ханум ушла, забрав с собой детей. Загида осталась с отцом наедине, немного погуляв по саду, они присели на скамейку и продолжили беседу.

Между отцом и дочерью сразу же установилось полное взаимопонимание. Загида призналась ему во всём, что её угнетало. Он слушал

очень внимательно. Поняв, что ему неловко расспрашивать о матери, она не стала долго говорить о ней.

Так, за разговором, прошло несколько часов. Отец и дочь откровенно поведали друг другу о своей жизни. Но вот инженер посмотрел на часы.

— Бей-атам, у тебя есть срочное дело? — спросила Загида.

— Я подумал, дочка, не опоздали ли мы с тобой к чаю.

— Сейчас узнаю, — сказала Загида и встала. Отец, соглашаясь, кивнул.

В большой комнате за длинным столом сидели обе девочки и старший из сыновей, делали уроки. Загида остановилась в растерянности.

— Отец, наверное, чаю хочет? Верно, Загида? Занимаясь детьми, я совсём забыла, — сказала хозяйка.

— Чем вы с детьми занимались?

— Понимаешь, мы живём мечтой вернуться к себе на родину. Поэтому занимаемся татарским языком, историей, литературой. Дети не должны забывать родной язык. Рассказываю им о религии.

— Позвольте и мне, тутам, заниматься с вами, — сказала Загида.

— Пока что ты у нас гостя. Сначала осмотришь, а уж потом решим, — сказала ханум и велела девочкам накрывать на стол.

* * *

Чаепитие затянулось. К чаю подали мучное блюдо. Загида впервые в жизни осушила три чашки чая, закусывая этим блюдом. За целый день, проведённый в семье, Загида вполне освоилась.

Наступило время сна.

— Загида, я приготовила тебе постель в комнате девочек, — сказала ханум и добавила, обращаясь к дочерям, — смотрите же, не надоедайте сестре.

— Тутам, мне, пожалуй, лучше пойти к себе. Хозяйка, наверное, совсём потеряла меня.

— Не уходи, апа, — в один голос попросили девочки. — Вместе спать будем.

— А я расскажу тебе сказку про царевича с серебряными руками и золотыми ногтями, — сказала одна из них.

— Выходит, у тебя здесь есть жильё? В таком случае, дело другое, — сказала ханум.

Отец добавил:

— Ваша апа придёт к завтраку. А вы встанете пораньше и пожарите к завтраку перемячи.

Взрослые о чём-то поговорили вполголоса и, пожелав спокойной ночи, вышли.

Девочки проводили сестру до ворот.

* * *

Мадам Марика действительно ждала Загиду. Она была встревожена, когда девушка не пришла обедать. Но увидев её в соседском саду, где она с татарской семьёй, смеясь, распивала чай, успокоилась. Загида пропадала у соседей до полуночи. Мадам ждала её, тараща слипавшиеся глаза, чтобы узнать, что она там делала так долго.

Как только в дверях появилась Загида, прекрасная и свежая, похожая на только что распустившийся цветок, мадам Марика набросилась на неё с вопросами:

— Что же это с тобой, девушка? Ты напугала меня. Что случилось?

— Ничего не случилось, просто я нашла своего отца и познакомилась с его семьёй. Весь день пробыла с ними. Если бы ты знала, какой обаятельный у меня отец! А сестрёнки — просто ангелочки! И ханум наредкость внимательная и умная дама. Мне очень, очень повезло, мадам Марика!

— Ещё бы, — заметила та. — Как тут не радоваться, когда отец нашёлся? Маме сообщи, пусть тоже порадуетя.

По лицу девушки пробежала тень.

— Нет, мадам, ей этого не надо знать. Мама в разводе с отцом. Мне с малых лет твердили: «Отец твой умер». А он жив-здоров. Оказалось, у меня много замечательных родственников. Пожалуйста, будь осторожна, не

проговорись маме. Другим тоже ничего не говори, ладно? — Попросила Загида.

— Ну, если не хочешь, не скажу, — пообещала мадам, а сама подумала: «Завтра будет что рассказать соседке Джамиле!». Она так радовалась, заранее предвкушая удовольствие, что проснулась окончательно.

Загида, напевая, пошла к себе. Ещё раз бросив взгляд на сад, она, счастливая, нырнула в постель.

* * *

Девчушки, засыпая, говорили о сестре, строили догадки, отчего это она не приходила к ним раньше.

Родители так же были заняты разговором о Загиде. Отцу дочь очень понравилась. Ханум тоже нашла её воспитанной и скромной.

— Как ты думаешь, — обратилась она к мужу, — не мать ли прислала её к нам?

— Нет, нет! Мать пока ничего не знает. Дочь объяснила мне, что узнала о нас случайно. У неё очень непростые отношения с матерью. Вдаваться в подробности я не стал... Мне кажется, у Загиды есть проблема с одеждой и прочими вещами.

— Верно. Завтра же поедем с тобой в Стамбул и купим ей всё необходимое. Но ведь мы не знаем, в чём она нуждается. Я хочу сделать подарок от себя, куплю ей золотые часы, — сказала Хадича-ханум.

— А мне что купить? — спросил он.

— Девушка, слава Аллаху, совсём большая. Невеста. Что если купишь ей что-нибудь из украшений? Помню, мы от отца всёгда ждали такие подарки. Кольцо, например? Серьги?

— Конечно, конечно, — откликнулся он, — так и поступлю. Только ей, наверное, одежда нужна — платье, пальто, ещё какие-то вещи?

— В первую очередь, по-моему, надо купить ей несколько шёлковых комбинаций. Я заметила, что бельё у неё не очень хорошее.

Супруги так и решили: на другой же день отправятся в Стамбул за покупками. Размышляя о дочери, инженер долго не мог уснуть. Он забылся сном лишь на рассвете, когда пели петухи.

* * *

Загида открыла глаза. Солнце было уже довольно высоко. Отражаясь в зеркале, оно рассыпало ослепительные лучи. После крепкого безмятежного сна девушка чувствовала себя отлично: голова ясная, тело крепкое, настроение бодрое. Ей было так же хорошо, когда она сдала экзамены на аттестат зрелости. Но сегодня на душе было ещё светлей и радостней. Она с наслаждением потянулась в постели. Перед ней открывались поразительные перспективы!

Ей ещё очень много чего нужно рассказать отцу, объяснить. Загида принялась обдумывать, о чём будет говорить с ним сегодня. Непременно нужно узнать, что думает он по поводу её желания учиться в университете. Что скажет, когда узнает о намерении матери выдать её за ненавистного Лутфи-бея?

Она пребывала в мечтах и тревогах, когда услышала внизу какую-то возню. Не успела она подумать, кто бы это мог быть, как в открытую дверь друг за другом вбежали её сестрёнки. Они обняли её и быстро-быстро начали целовать.

— Вставай, апа! Чай готов, мама испекла для тебя казанские перемячи.

Загида приласкала девочек.

— Ладно, родные мои, сладкие, я сейчас, умоюсь только. Идите к маме, чтобы она не волновалась. А папа встал уже?

Загида впервые употребила это непривычное слово. Оно вдруг показалось ей таким близким и значительным.

— Скорее поднимайся, апа! Не задерживайся! — сказали дети и убежали.

Самовар уже занимал своё почётное место, когда подросла Загида — в самый раз. Гульчачак поставила чашку с чаем перед отцом, перед мамой и

перед сестрой — всё в той же последовательности. Загида с интересом разглядывала у себя в тарелке диковинное кушанье. Хадича-ханум объяснила: это любимое блюдо вашего отца. Он ест его по утрам. Будь осторожна, перемячи внутри горячие. Если хочешь, можешь добавить немного уксуса, а не хочешь, ешь просто так. Только не спеши.

Загида посмотрела на чай.

— Всё очень горячее, — предупредил отец. — Может, ты кофе предпочитаешь? Если хочешь, пей, только к этому блюду он не подходит. Давайте, дети, скажем «Бисмилла», — проговорил он и принялся за перемяч с катыком.

Ханум ела перемяч с уксусом... Старший мальчик ел, обжигаясь, и отправил в рот друг за другом три перемяча.

Загида приправила перемяч катыком. Обожглась чуть-чуть, но катык, как справный стамбульский пожарный, вовремя потушил огонь. Перемяч просто таял во рту. Превосходное кушанье! Второй и третий она поела с катыком, а потом без катыка и уксуса, прихлёбывая чай, как это делал отец.

Загида ела без всякого смущения, не отставая от других. Выпила несколько чашек чая, и нисколько не вспотела, не почувствовала тяжести. После двух чашек предложила Сююм:

— Давай я буду жарить перемячи, а ты садись и пей чай.

— Нет, — сказала ханум, — ты гостья у нас. Придёт время, будешь жарить и ты. Ну как, понравилось тебе угощение?

— Очень вкусно, ну просто очень!

— Апам, ты впервые ешь это? — спросила Гульчачак.

— Да, Гульчачак, — ответила Загида.

Девочка посмотрела на неё недоверчиво.

— Как, у вас не готовят перемячи даже во время праздников?

— Апа твоя выросла в Стамбуле, а там не умеют готовить мучные блюда, — пояснила ханум.

Отец сказал:

— У нас в прежние времена перемячи готовили каждый день к утреннему чаю, особенно зимой. Без них не обходились ни богатые, ни бедные.

— Бей-атам, — обратилась Загида к отцу, — а где она, страна ваша?

— Разве ты не знаешь? — воскликнул старший мальчик Тимур. — А я знаю. О городе Казань слышала? Хочешь, покажу на карте? — Он принёс карту.

— Где такой город? — спросил Тимур.

— Вроде, припоминаю что-то...

— Вот, смотри, это река Идель, это город Астрахань, а вот и Казань. Это вот река Казанка. Деревня наша вот здесь. Правда, папа?

— Да, верно, сынок, там.

Загида взяла карту в руки и стала внимательно разглядывать.

— Там, наверное, очень холодно, папа?

— Да, конечно, но дома там тёплые и хорошие, печи большие, одежда из меха. В такой не замёрзнешь.

Но вот чаепитие закончилось, всё поднялись. Хадича-ханум сказала мужу:

— Вы с Загидой можете погулять. Думаю, вам хочется поговорить, ведь сказано ещё не всё. У нас же есть пока кое-какие дела.

— Ты права. Вчера мы проговорили целый день, а сегодня кажется, что по-прежнему ничего не знаем друг о друге.

— Мне тоже так кажется, бей-атам.

— Идите, погуляйте, у вас есть полтора часа, — сказала ханум.

— А можно и мне с вами? — спросил Тимур.

— Пойдём, сынок.

Мальчик взял велосипед.

— А ты на велосипеде умеешь кататься? — спросил он Загиду.

— Нет.

— А я умею. Я и в Стамбуле могу, только папа не разрешает.

— А как же иначе, — поддержала Загида отца, — ты ведь можешь не заметить трамвая и остаться под ним. Всю жизнь хромать будешь, или погибнешь, чего доброго.

Разговаривая так, они вышли из ворот.

Загида сказала:

— Бей-атам, я против желания мамы подала заявление в университет. Как ты на это смотришь?

— А почему мама против?

— Не знаю... Собирается замуж меня выдать!..

Загида покраснела.

— Это только желание или уже есть кто-то?

— Есть, дальний наш родственник, сын Асад-бея, торговый посредник.

— Что он за человек?

— В мировую войну, якобы, учился во Франции, теперь занимается снабжением. Говорят, он очень богат. Мы живём в нужде, вот она и решила...

— Богатства всё хотят, дочка! — сказал инженер, — Только при создании семьи, оно не должно быть на первом месте. Деньги — это лишь средство для того, чтобы добиться в жизни какой-то цели. Сама-то ты как смотришь на это?

— Бей-атам, я бы хотела продолжить учёбу.

— Для чего, дочка? Какая у тебя цель?

— Во-первых, всё мои друзья учатся. В школе я успевала не хуже. Просто мне очень обидно, что одна я неучем осталась. Может, наивно так думать?

— Нет, это вовсе не наивность. В каждом нормальном человеке должно быть это стремление – не отстать от других. Для успеха это очень важно.

— А во-вторых, хочется найти достойное занятие и посвятить ему жизнь. Разве плохо иметь профессию?

— Всё правильно, дочка. В жизни женщины первое дело, главное её предназначение – это воспитание детей, умение быть хорошей хозяйкой,

способность постоянно поддерживать огонь в семейном очаге, согревать детей любовью. Но теперь многое изменилось, жить стало труднее. Профессия для женщины, хозяйки в доме, стала гарантией её будущего. Нас, западных идеалистов, ужасно огорчает, пугает даже жадность молодого поколения до наживы, до материальных благ. Машалла, ты не такая. Тебя, похоже, эта примитивная страсть не захватила. В вопросе этом есть ещё кое-что. Считается, что женщины, получившие хорошее образование, способствуют цивилизации общества, повышению интеллигентности так называемой элиты общества. И это правда. Но занятость на службе обоих супругов, по мнению многих, плохо сказывается на воспитании детей. Дети, к сожалению, остаются без внимания... А всё-таки почему же мать-то возражает против твоей учёбы?

— Не знаю! Ты, бей-атам, сам понимаешь, что она не тот человек, который способен мыслить логично и самостоятельно решать проблемы. Мать не в силах противостоять своей среде, плывёт по течению. Нет у неё ни желания, ни сил противиться. А среда, к которой она принадлежит, трусливая. Это — стоячее болото. Да и деньги играют роль.

— Деньги тут не важны. Слава Аллаху, мы в состоянии оплатить твою учёбу. Я не мог помочь тебе раньше, когда ты училась в средней школе. Для этого были причины. Зато теперь помогу получить высшее образование. Я сделаю это с радостью... Теперь перейдём к обсуждению более тонкой материи. Человек, который до сих пор обучал тебя, воспитывал, вырастил, — это твоя мать. Её право выше, чем моё право отца. Мы не можем не считаться с её мнением. Если она не будет согласна, поговорим с ней, вместе подумаем, как лучше поступить. И вот ещё другой, очень важный момент. Положим, ты стоишь перед выбором пути твоего будущего — последнего события твоей жизни, и окажется, что трудно понять, правильный выбор ты сделала или ложный. Вот в этом случае долг родителей — вместе разобраться в ситуации. Только самое последнее решение человек должен принять сам. Пророк наш об этом сказал так: «Как бы наставники твои ни силились, чтобы перетянуть тебя на свою сторону, последнее решение ты должен принять сам». Если сказанное

покажется матери разумным и она даст согласие, — это будет совсём другое дело.

— Но я не хочу снова подчиняться маме, она для меня чужой человек.

— В таком случае не о чем говорить! — сказал отец.

— Она требует, чтобы я поступала только так, как она желает. Упорно стоит на своём.

— А ты хочешь, чтобы я помог тебе, да?

— У меня больше никого нет, бей-атам. Разумеется, я рассчитываю на ваш совет и помощь.

— Дочка, мать твоя собирается со злым умыслом воспользоваться своим правом. У неё, естественно, есть свой расчёт, но это не правильно. Возможно, её толкает на это нужда, безвыходное положение. Ты знаешь это лучше меня. По-видимому, надо облегчить тяготы её жизни. Начиная с этого дня, станем возмещать ей расходы, связанные с тобой. Содержание твоё я возьму на себя. В конце концов – это отцовский долг мой. Но делать это надо так, чтобы она не почувствовала себя униженной. Я знаю, дочка, ты являешься смыслом её существования. Выходит, что ты хочешь отнять у матери её единственную опору и надежду. Хорошенько подумай об этом. Я тоже подумаю. Между нею и нашей семьёй мы должны будем установить нечто, вроде *modus vivendi*¹.

— Да, конечно, бей-атам!

— Ты наш полноправный ребёнок, член семьи. Можешь в любое время приходить к нам, переехать насовсём, наши двери и наши карманы всегда открыты для тебя. Только мать твоя не должна думать, что это – козни с моей стороны, желание как-то нанести ей обиду. Не знаю, смог ли я, дочка, доходчиво объяснить тебе? Не смотря на трудную жизнь, мать хорошо воспитала тебя. Хотелось бы исключить несправедливость в отношении к ней. Пусть пока всё идёт своим чередом, а там жизнь сама подскажет, что делать. Ещё раз повторяю, дочка, не груби матери. По молодости ты можешь ранить её такими, например, словами: «Я нашла отца и больше не нуждаюсь в тебе».

---

¹ *Modus vivendi* – временное соглашение

Слышать это ей будет очень тяжело. Уважай её чувства. Успокаивай мать, осторожно внушай, что никакая опасность не угрожает ей.

— Мне это будет очень нелегко. Мама живёт по совершенно иным понятиям, чуждым мне.

— Да, несомненно, так оно и есть. Ты не сможешь изменить её, дочка. Поэтому надо принимать её такой, какая она есть, и постараться внушать, что бояться ей нечего, ни с какой стороны подвоха не будет. Деликатное дело это, хочешь – не хочешь, самой жизнью возлагается на тебя.

Тимур, который носился на велосипеде то взлетая на гору, то слетая вниз, подъехал к ним.

— Папа, — сказал он, — апа, наверное, пить хочет. Вон в той кондитерской мороженое очень вкусное.

Загида, усмехнувшись его детскому лукавству, сказала:

— Я не знаю, хочу ли. Может, сам ты умираешь от жажды?

— Да как же ты не знаешь? Ясное дело, хочешь.

— Ладно, ладно, сынок! – сказал отец, — я тоже пить хочу. Иди, займи нам место. Мы подойдём сейчас. – Потом обратился к дочери: — А как у тебя с языком? Какой-нибудь иностранный язык знаешь?

— Довольно хорошо владею французским. Хотя разговорный навык у меня небогат, читать и писать могу без затруднений. А что касается других предметов, мне пригодилось знание старого алфавита, который изучала в начальной школе. Я училась там три года. При изучении литературы и истории пользовалась старыми изданиями.

— На каком факультете учиться собираешься?

— Я ещё не решила. Мне и история нравится, и литература. Но лечебный факультет был бы в жизни более полезен. Как ты думаешь?

— Пусть заявление твоё продвигается покуда, для выбора специальности время ещё есть.

Часы показывали полдень. После кондитерской они не спеша отправились домой. По дороге купили у торговца фрукты и угодили как раз к

обеду. Оказалось, что Хадича-ханум специально для Загиды приготовила пельмени. Увидев тарелку, наполненную этим невиданным кушаньем, Загида вначале испугалась, но съела всё без остатка.

Отец попросил вторую порцию, себе Хадича-ханум тоже положила полтарелки и Загида от добавки отказываться не стала. Потом снова подали нечто незнакомое, она и тут справилась с большой охотой.

После обеда Хадича-ханум объявила:

— Мы с отцом собираемся в город. Ты, Загида, останешься в доме за старшую. Родственников твоих поручаю тебе. К нам могут прийти гости, много гостей. Принимай их приветливо. Дети знают этих людей. Гости могут быть с детьми или без них, прими всех, не говори, что мужчин принять не можете оттого что отца нет дома. Среди наших знакомых нет людей, которые не знали бы правил приличия. Предложите им чай. Сююм справляется с этим очень хорошо. Ты будешь занимать гостей разговором. Каков гость, таков будет и разговор.

— Тутам, я не умею принимать гостей. Я не справлюсь.

— Почему? – удивилась Хадич-ханум. — Ты что же, не умеешь сказать: «Добро пожаловать!», «Хорошо ли добрались до нас?», «Проходите, садитесь!» Тут нет ничего страшного! Если пойдёте к морю, не забудьте погасить огни. На работницу не надейтесь: она уснёт сразу же, как только за вами закроется дверь, и спать будет так, что не заметит даже, если выдернуть у неё из-под головы подушку. Если успеем, вернёмся семичасовым пароходом, а не успеем – так восьмичасовым. Ужин запоздает немного, но это неважно. Тимур, ты слушайся, сынок! Загида остаётся вместо меня.

И Хадича-ханум с мужем поспешили на пароход.

Дети были рады, что остались одни, а Загида волновалась, не зная, управится ли с ними. Она заперла ворота, двери, вывела детей на прогулку в сад, а потом усадила за уроки. Каждого спросила, что задано на дом, просмотрела учебники и дала им новую задачу. Она рассказывала детям то, что могло их заинтересовать. Один Тимур не слушался.

— Ты плохо себя ведёшь, Тимур, — сказала Загида мальчику, — разве я тебе не старшая сестра? Смотри, я обижусь.

Озорник угомонился немного. Загида понимала, что ему необходимо движение.

— Тимур, ты — мальчик, посмотри, сколько мусора на дорожках. Собери опавшие сучки.

— Я буду садовником! — сказал тот и принялся за дело. — Смотри, апам, я хорошо сделал?

Загида подошла к нему:

— Здесь хорошо, — сказала она, — а там осталось ещё немного мусора. Этот сучок тоже выкинь, пусть не мозолит глаза. А тут подрежь веточкам концы. — Она давала брату всё новые задМамая. Наконец, он устал. Всё дети разом вспомнили о чае.

— Апа, пора пить чай.

Загида ещё не успела освоиться с порядками в доме — например, садиться за стол в определённое время. Ритуал этот, казалось, ничто не могло нарушить — ни землетрясение, ни ураган. Ей предстояло привыкнуть к незыблемым порядкам семьи.

— Апа, пора пить чай.

Загида ещё не успела освоиться с порядками в доме — например, садиться за стол в определённое время. Ритуал этот, казалось, ничто не могло нарушить — ни землетрясение, ни ураган. Ей предстояло привыкнуть к незыблемым порядкам семьи. К чаепитию готовились чрезвычайно серьёзно. Тимур поставил самовар, а девочки накрыли на стол. Сююм заставила его разнообразными пирогами. Всё уселись с большой торжественностью, но к чашкам почему-то никто не прикоснулся. Дети чего-то ждали. Загида удивлённо огляделась.

— Чего вы ждёте?— сказала она.

Лишь после этого дети приступили к чаепитию. Сначала сидели в полной тишине. Разговоры пошли лишь после третьей чашки. Родня дружно

осушила четвёртую и пятую чашку. Загида от неё не отставала, хотя в жизни не пила так много, и удивлялась своей способности.

Напившись, пошли к морю. Долго плескались в воде и вернулись домой. Разбудив служанку, велели ей готовить ужин, как распорядилась перед отъездом хозяйка.

До парохода было ещё далеко, но к пристани они мчались бегом. Загида, прекрасно зная, что пароход из Стамбула никогда не прибывает раньше срока, бежала вместе со всеми. Волнение детей передалось и ей. «А вдруг раньше приедут!» думала она. Родителей долго не было, и дети начинали волноваться.

Но вот на сходнях показался отец. Всё замахали платками, потом, подбежав, взяли из рук родителей свёртки. Радуюсь вместе со всеми, Загида весело шагала к дому. Свёртки были большие, пришлось поймать машину. Хадича ханум боялась, что Загиде не останется места, и сказала Тимуру:

— А ты поедешь на ослике.

Он обрадовался и побежал искать ишака.

В машине, набитой галдящими детьми, инженер Вахит-бей ехал совершенно счастливый. Дома, хотя ужин был готов, он сказал:

— Я сегодня чай не пил. Пока не попью, есть не смогу.

Тотчас поспел самовар.

— Я бы тоже выпила,— сказала Хадича-ханум. — Не выношу пить в чайхане.

Когда родители утолили жажду, семейство приступил к еде. Во время ужина ханум интересовалась, как управлялась Загида с детьми. Выслушав, она сказала:

— Вот и хорошо... Когда старшие искренне хотят быть примером для младших, дело всёгда бывает успешно. Главное в семье — порядок. Бесплезно требовать его от детей, если сам нарушаешь.

Вахит-бей заговорил вдруг торжественным голосом:

— Загида, кызым! В семье у нас принято отмечать дни рождения детей, поздравлять их. Времени до твоего рождения ещё много, поэтому мы решили

отметить день твоего возвращения в семью, день нашего единства. Как принято у нас, всё мы желаем тебе благополучия и приготовили подарки. Вот мой тебе презент! Носи с удовольствием и будь счастлива! — И он вынул из коробочки серьги и кольцо с бриллиантами.

Загида вспыхнула и залилась румянцем. Она взяла подарки, радуясь, как дитя.

— Надень серёжки, дочка,— сказала Хадича-ханум.

Загида надела с серёжки, и кольцо.

— Спасибо, папа, вы балуете меня,— сказала она и поцеловала отцу руку. Хадича-ханум тем временем успела пристегнуть к её руке золотые часики с браслетом и сказала:

— А это подарок от меня.

Восхищённая Загида ей тоже поцеловала руку. А когда села, подошла Сююм.

— Апа, я тоже хочу сделать тебе подарок,— проговорила она, и протянула сумку. Когда Загида открыла её, всё увидели шёлковое японское кимоно.

— Ой, какая прелесть!— вскричала Загида, — какая прелесть! — Повторила она и поцеловала Сююм.

Гульчачак подарила ей косметику. Тимур протянул ридикюль, а маленький Батыр сунул в руки коробочку с губной помадой и пудрой.

Загида, не ожидавшая ничего подобного, была смущена и обрадована несказанно. С полными слёз глазами, сияя от счастья, она перецеловала всех своих родственников.

— У меня в жизни не было такого праздника! — воскликнула она, — вы, тутам, устроили его для меня. Если бы вы знали, как я благодарна! Но чем я расплачусь за вашу щедрость?

— Никакой расплаты не требуется! Мы устраиваем такие праздники всём нашим детям. А ты — тоже наше дитя. И имеешь на это полное право. Придёт время, сама будешь делать близким подарки.

— На какие деньги? У меня нет ничего, печально призналась Загида.

— Зато у тебя есть книжка, на неё и будешь покупать,— подсказала Сююм. — У нас у всех есть такие книжки.

— У меня, родная, нет никакой книжки...

— Почему же нет, разве ты не такой же ребёнок своего отца? — заметила Хадича-ханум.

— Не понимаю, о чём вы?— растерялась Загида.

— Мы ежемесячно на имя каждого ребёнка вкладываем деньги в так называемый «Сундук сбережения», — объяснил отец. — У тебя тоже есть такая книжка, но ты не могла пользоваться ею, потому что была далеко. Теперь можешь расходовать свои деньги на что угодно.

Наклонившись к сыну, он велел принести из ящика стола кошелёк. Инженер достал из него сберегательную книжку и протянул Загиде. Раскрыв её, девушка увидела свою фотографию, где ей было четыре года. Она взглянула да дату под фотографией.

— Выходит, ты думал обо мне с тех самых пор?!— удивилась она.

— Да разве может человек забыть своего ребёнка? — сказала Хадича-ханум.

Загида стала листать книжку. В конце каждой страницы была написана итоговая сумма. Дальше она становилась всё больше и больше. Сначала десятки, потом, сотни, которые выросли в тысячи. Посмотрела на последнюю цифру за прошлый год. Оказалось, что за годы набралось несколько тысяч лир.

— Неужели всё это богатство моё? —обратилась девушка к отцу. — Их так много, я же ничего не вкладывала?

— Деньги эти, как и деньги других детей, — от вашего отца. Они вложены с определённым условием: до совершеннолетия их можно получить только за подписью отца. Но ты уже взрослая и можешь распоряжаться свободно,— Хадича-ханум смотрела с улыбкой.

Загида вернула книжку отцу.

— Дочка, если хочешь, оставь её себе, ведь деньги могут понадобиться.

— Нет, папа. Позвольте мне лишь посмотреть.

— Хорошо, посмотри.

Так завершился этот волшебный день — праздником, подарками, сюрпризом.

Было поздно, пора было ложиться. Всё разбрелись по своим спальням.

* * *

Загида показала подарки мадам Марике, рассказала всё, что случилось. Потом пошла к себе. Лёжа в постели, принялась изучать сберкнижку, которая была начата в те дни, когда родители разводились. С тех пор в банк ежемесячно вкладывалась небольшая сумма. Она увеличивалась и достигла нескольких тысяч лир. Из письма отца Загиде запомнились слова, что денег больше высылать не будет. Выходит, на её учёбу и содержание мать не получала ничего, зато деньги копились на книжке. Это значит, что отец никогда не забывал о ней. Девушке было приятно узнать это. Сердце наполнилось гордостью. Она уснула со счастливой улыбкой на лице.

* * *

Едва завершился завтрак, отец отозвал дочь в сторону и спросил:

— Как у тебя с одеждой, кызым? В чём нуждаешься? Время пока есть, можем заняться этим. Подумай, что тебе нужно.

— У меня, вроде, есть одежда, мама покупала. Правда, ничего лишнего,— ответила Загида.

— Платья на лето, пальто и всё такое?

— Есть демисезонное пальто. Я ношу его круглый год.

Инженер кивнул жене. Когда та подошла, сказал:

— Вы женщины, в отношении одежды вам проще будет понять друг друга.

— Думаю, то, что на Загиде, хорошо смотрелось бы на школьной учительнице,— сказала Хадича-ханум. — Девочке понадобится совсем другие

одежда: пальто, соответствующее сезону , зимнее манто с меховым воротником, наряды на каждое время года, бельё... Верно я говорю?

— Вы что же, собираетесь переодеть меня с головы до ног? Так, пожалуй, меня никто и узнавать-то не будет,— улыбнулась Загида.

— Конечно, переоденем! У наших дочерей, которые моложе тебя, есть всё. А ты хотела бы походить на падчерицу или сироту? Отец не допустит этого, я — тоже. Купим тебе всё необходимое.

— Не откладывая, сегодня же отправляйтесь в Стамбул. Я — не любитель ходить по женским магазинам. И потом продавцы в присутствии мужей обычно завышают цены. У нас, мужчин, на подобные дела не хватает терпения. Поезжайте вдвоём. Цвета, фасон пусть Загида сама выбирает, а ты будешь отвечать за качество и цену. Старомодные вежи старайтесь не брать.

— Ладно. Мы в таком случае отправляемся теперь же, а детей оставим на тебя. Деньги при себе есть?

— Да, да. Сейчас дам. Готовьтесь пока.

Детям Хадича-ханум сказала:

— Мы с Загидой едем в Стамбул. Вы останетесь с отцом. Наведите в доме порядок.

Девочки, перебивая друг друга, стали каночить:

— Мама, возьми меня с собой, я тоже хочу в Стамбул.

— Папа один разве останется? Кто будет ухаживать за ним? Или вы не любите его?

Девочки сразу же замолчали. (Загида с интересом наблюдала за Хадичёй-ханум: как выйдет она из положения.)

— Ну хорошо, так и быть, одну возьму, другая останется за старшую. Кто накроет на стол, если к папе вдруг придут гости; кто за мальчишками присмотрит? Давайте бросим жребий. Если кому-то повезёт, другая возражать не станет. Договорились?

Девочки шептали про себя: «Ах, хоть бы мне, хоть бы мне!»

Провели жеребьёвку. Выиграла Гульчачак.

— Смотри, Сююм, жребий подтвердил, что ты у нас старшая дочка. Хорошо ухаживай за отцом, ладно?

И они побежали на пристань.

На пароходе Хадича-ханум повела их в салон и заказала кофе. Достав из кармана бумагу, сказала:

— Давай запишем, что будем покупать. Говори, Загида.

— Я, право, не знаю, тутам. Есть у меня всё,— неуверенно сказала девушка.

— Ну ладно, а чего хочешь? — настаивала Хадича-ханум.

— Разве что осеннее пальто...

— Записала. Дальше что?

— Не знаю...

— Почему не знаешь? А демисезонное?

— Есть у меня.

— Когда куплено, дочка?

— Года два назад. Вполне приличное ещё.

— Будешь носить его в дождь, — сказала ханум, — а в гости или ещё куда нужно хорошее. А как у тебя с зимней одеждой?

— Для зимы у меня никогда не было особого пальто. В холода я надевала снизу свитер.

— Для дочери инженера Вахита такое не годится. Купим зимнее. Сколько у тебя хороших платьев? А комбинаций?— интересовалась Хадича-ханум.

— Два-три.

— Ладно, мне всё ясно. Купим новые вещи. Потом, с каждым годом гардероб обновлять будет легче.

* * *

Не заходя в большой магазин в Галате, Хадича-ханум взяла такси и повезла Загиду в прежний Караван-Сарай возле Султан-хамама, где размещалась нужная им контора. Прошли в кабинет управляющего.

— Дочери на платье нужна хорошая ткань. Покажите, Джаляль-бей, лучшие из новых образцов.

Джаляль-бей велел подать кофе, чай, поинтересовался здоровьем инженера. Он показал образцы плательной и пальтовой ткани.

— Вот, выбирай,— сказал Хадича-ханум Загиде.

Загида с Гульчачак приступили к делу.

— Это годится,— говорили они, перебирая ткани, это тоже подойдёт и это хорошо...

— Дочери нужно прежде всего демисезонное пальто, потом зимнее,— говорила Хадича-ханум. — Главное, ткань должна быть лучшего качества.

Управляющий отобрал несколько образцов. О ткани, отложенной Загидой, сказал:

— Это дешёвый товар, вам не подойдёт.. Он развернул рулоны. Хадича-ханум на этот раз тоже приняла участие в выборе. Из того, что облюбовали девочки, в одном случае ей не понравился цвет, в другом — ткань оказалась слишком тонкой, в третьем — не устроило качество. После долгой возни отобрали наконец два вида тканей на пальто и несколько — на платья. В другом месте выбрали материю на подкладки. Потом поехали в довольно большой магазин белья. Хадича-ханум распорядилась подобрать шесть комбинаций. В чулочном магазине купили шесть пар чулок, в обувном — две пары обуви.

Проголодавшись, зашли в шашлычную. После в мастерской в районе Бейугылы заказали два пальто.

— Скажи, где ты видела дождевики?— спросила Хадича-ханум Загиду.

Нашли и этот магазин. Пакетов и свёртков скопилось так много, что носить их не было сил. Зашли передохнуть в чайхану. Хадича-ханум заглянула в свой список.

Похоже, купили всё. Как ты думаешь, не забыли ли чего?— спросила она.

— Всё купили,— подтвердила Загида.

Через некоторое время, выпив по несколько чашек чая, Хадича-ханум поинтересовалась:

— Загида, как давно не виделась ты с матерью? После того, как нашла отца, тебе известно о ней что-нибудь? Скорее всего, нет. Так ведь? Неплохо бы навестить её, пусть не теряет тебя из вида.

Загида, подумав, сказала с беспокойством:

— Я не знаю, как говорить с мамой. Встреча с ней пугает меня.

— Понимаю, и всё же не стоит оставлять её в неведении. Напиши записку: «Я жива-здорова, отдыхаю. Дня через два приеду навестить тебя».

К пароходу подъехали на такси...

Взволнованная покупками Загида долго не могла уснуть. Утренний чай завершился быстро. За столом остались инженер и маленький Батыр. Инженер читал газету. Хадича-ханум увела девочек на кухню готовить обед. Загиде дали фартук. Изобилие продуктов удивило её: большие куски мяса, тазы, наполненные помидорами, баклажанами, горы картофеля, большие блюда с рисом, несколько тарелок сливочного масла, всевозможные фрукты и ягоды... Всёго хватило бы, казалось, на целую армию.

— Субханалла, тутам,— воскликнула она,— неужели мы всё это будем варить? Разве гостей будет так много?

— Две семьи собираются к нам — прислали телеграммы. Получили сегодня утром. Так что времени у нас в обрез. Едут с детьми. Вот и считай: человек десять гостей да самих семеро. Если нагрянет ещё кто-нибудь, получится всё двадцать. Наши любят поесть, поэтому еды должно быть обильно.

Загида, привыкшая к тому, что продуктов в угловом магазине покупается по сто-сто пятьдесят граммов, и обед на два дня готовится из кусочка мяса в двести пятьдесят граммов, сравнивала кухню матери с этой и удивлялась, как они непохожи.

Одной дочке ханум велела чистить картошку, другой — перебирать рис. А Загида получила задание — разделать большой кусок баранины.

— Кусочки мяса должны быть не больше воробьиной головки. Большие кости выбери, а мелкие оставь,— учила хозяйка.

— Это будет шашлык, который обычно готовят в лесу на костре?

— Нет, это будет плов. Без него трудно насытить такую ораву. В нашем казанском плове много мяса и моркови.

Тимуру было поручено пропустить постные куски мяса через мясорубку. Сама хозяйка, достав из двух разных мешков равное количество муки, добавила в неё молоко, катык, яйца и, тщательно замесив, положила дрожжи, потом выставила на солнце. Прodelывая всё это, мать не забывала внимательно следить за тем, чтобы дочери делали свою работу аккуратно.

— Из картофелин убирай всё глазки, — говорила она. — Камушков в рисе оставаться не должно.

— Загида, не нарежай мясо слишком мелко. Вот так, хорошо. Для плова бери только хорошие куски.

Служанка мыла посуду, грела воду. Кухня напоминала фабрику. Вот Хадича-ханум достала белейшей муки из третьего мешка и, разбив в неё яйцо, стала замешивать тесто.

— А это что будет?

— В бульон мы запустим пельмени.

Загида уже знала, что такое пельмени, но не видела, как они готовятся. Девушка внимательно следила за работой хозяйки. Хадича-ханум обратилась к сыну, который кончил проворачивать мясо.

— Сынок, если ты сделал работу, сбегай к отцу, узнай, сколько времени. Если уже пора, ступай на пристань встречать Фатыху-ханум. Я позвала её помочь мне. Она может сбиться с пути. Фатыха-ханум будет очень кстати. Она была дочерью богатого человека и снохой другого богача. Но, здесь они потеряли всё, живут в большой нужде. Мы всегда приглашаем её. Она и гостья у нас, и большая помощница. Если бы о приезде гостей узнали вчера, с утра она была бы уже здесь... Мы позвонили ей в половине восьмого. Уж и не знаю, на каком пароходе приедет.

Загиде, которая управилась со своей работой, она велела промыть кости в холодной воде, чтобы не оставалось крови, положить их в казан, налить воды, посолить и поставить на огонь.

— Для чего столько воды?— спросила Загида.

— Я же говорила: будет мясной бульон. Он варится долго, так что воды останется, сколько надо. И потом не забывай: двадцать человек — это, значит, двадцать тарелок. Пельмени у нас любят, некоторые по две тарелки съедают. Считай: уже тридцать тарелок. Есть поговорка: «Изобилие — это дар небес!» А теперь, Загида, помоги перебирать рис.

— А ты почисти лук,— обратилась она к служанке, а сама продолжала возиться с тестом.

— Видишь,— сказала она Загиде, — это тесто не тянется. Для пельменей нужно упругое тесто, пружинистое. Иначе, прорвётся, не удержит внутри себя мясо.

Старательно помяв тесто, она принялась раскатывать его. Всё у неё получалось быстро, сноровисто. Загида не удержалась и сказала:

— Тутам, вы раскатываете тесто так ловко, будто занимаетесь этими всю жизнь!

— У нас каждая девушка должна уметь готовить. В особенности мучные блюда... Я научилась этому очень рано. Вот уже шестнадцать лет, как мы поженились с твоим отцом. За всё это время жили на одном месте не больше двух-трёх лет. Ты ведь знаешь, отец то мост там строит, то туннель здесь прокладывает. В те годы я учительницей была... Работу оставить не хотела. Где-то в школе трудилась, где-то — в профучилище, а где-то — в лицее. Какие только предметы не преподавала! Я — математик. Прихожу в школу, а мне говорят: «Пожалуйста, Хадича-ханум, выручайте! Нет у нас учителя истории и географии. Уже половина учебного года прошла. Не возьмёте ли эти часы на себя?» Я и брала. А через несколько месяцев уезжает какой-нибудь учитель. Опять идут ко мне: «Пожалуйста, возьмите уроки санитарии!» Беру снова. А что делать? Двенадцать лет в Анатолии преподавала. Ни разу не встречала

школы, которая была бы укомплектована полностью. Один год вынуждена была даже французскому обучать.

— Да как же вы сумели так работать?

— Так и сумела. Старалась, как могла. В те годы молодые учителя не очень-то рвались из Стамбула в провинциальную Анатолию. Всюду верховодили местные полуграмотные или бездарные учителя. Если вдруг появлялся учитель, готовый работать постоянно, в него вцеплялись обеими руками! Поскольку я зависела от твоего отца, а он — от своей работы, перебиралась в школу ближайшего к нему аула. Какие только трудности не приходилось преодолевать! Это были всё не те нарядные аулы, какие изображают в учебнике географии, а глухое захолустье, дыры. Грязь, скопище клопов! Я сразу же принималась чистить и мыть жилище, бороться с клопами. Только, успокоившись, начинаешь свободно дышать, проходит немного времени, и опять выползают откуда-то. А вши? — То тут, то там. Снова начинаю борьбу, но вшей становится всё больше и больше. Заходили соседи и обязательно оставляли вшей. Нельзя же было не впускать людей! Первому моему мальчику два года было, он уже говорить начинал. Заразился от соседских детей тифом, который скрутил ребёнка за две недели. Малыш истаял у меня на глазах. Это горе я не могла пережить и серьёзно заболела сама. Отец твой тоже сильно горевал. Он уходил на работу и не всегда удавалось ему приходиться на обед. Я оставалась одна. К счастью, мама тогда была жива. Отец советовал ехать к ней в Искешахар. «Отдохнёшь немного, — говорил он, — и о ребёнке быстрее забудешь». И в самом деле, жить в доме, где всё напоминало о сынишке, было невыносимо! Но я беспокоилась о муже. «Он целый день на работе, усталый, будет приходить домой, — думала я, — кто встретит его? Как удастся ему отдохнуть?» Да и мама не похвалит меня, скажет: «Ага! Бросила мужа одного, и отдыхать приехала?!» Я знала, что она встретит меня такими словами.

Но вот отец твой стал очень настойчиво уговаривать меня: «Ты всё исхудала, зачахла, — говорил он, — воздух аула не подходит тебе! Уезжай же

наконец! Через некоторое время я сам приеду за тобой». Послушалась я его. Он поехал проводить до станции, нанял лошадь в посёлке. Я собрала вещи, но ехать не тянуло, что-то удерживало меня. Отец приготовил в товарном вагоне место, застелив железки, которые там были, одеялом. Когда поезд пойдёт, было неизвестно, а отцу надо было спешить на работу. Он очень волновался. «Возвращайся, — говорю ему, — не жди». Он согласился, стал глазами искать подводу. Прощаясь, утешал меня. Тут поезд дал сигнал и дёрнулся. Отец остановился в раздумье — то ли меня провожать, то ли садиться в телегу. Поезд пошёл. Тут поразила меня ужасная мысль, казалось, будто шепнул кто-то: «Ты видишь мужа в последний раз»... Я схватила что-то из вещей и выпрыгнула из вагона, бросилась догонять телегу. Повиснув у мужа на шее, кричала: «Я не уеду, не уеду, ни сейчас, ни потом!» «Ты с ума сошла?! — ругал он меня. — Что будет из того, что к матери поедешь?» Оба расстроенные ехали в телеге молча. А на другой день отец слёг с малярией. На работу идти не мог. Тело горело. Температура поднялась очень высоко. Он потерял сознание. Я перепугалась ужасно: «Неужели в этом гадком ауле я ещё и мужа потеряю?!» — думала я. Сон у меня пропал. О сыне уже не вспоминала. Всёми силами мужа спасти пыталась. Нет поблизости ни доктора, ни лекарства. Делаю, что в голову придёт. Без остановки заваривала липовый цвет и поила больного. Инженеров, рабочих посылала на поиски лекарства. Только через три дня насилу доставили из посёлка доктора. Я спросила, правильно ли я делаю. Он признался, что они и сами так лечат больных, и добавил: «Существует американское средство, но у нас его нет — ни таблеток, ни инъекции». Доктор дал хинин. «Опасность миновала, — сказал он, — температура падает. Если бы не вы, больной умер бы». Выходит, интуиция не обманула меня. Отец ваш пошёл на поправку. Радость была так велика, что горечь утраты отодвинулась куда-то вглубь. После этого отец купил палатку. Летние месяцы стали проводить в ней (Пельмени тем временем лепились.) Дети наши рождались в разных посёлках, среди разных народов.

— Жизнь такая сложная,— вздохнула Загида,— и всё не похожа на ту удобную и прекрасную, что показывают в кино.

В дверях кухни показались Фатыха-ханум и Тимур.

— Мама, мы пришли,— сказал мальчик.

— Очень хорошо,— отозвалась мать. — Проходите, Фатыха-ханум, прошу вас.

Гостья заглянула в соседнюю комнату, где хлопотали девочки.

— Да вы, никак, уж наготовили всёго...

— Нет, нет, Фатыха-ханум, работы ещё невпроворот,— возразила Хадича-ханум и, обратившись к служанке, добавила: — Свари нам кофе в большой посуде.

Женщины обменялись вопросами о здоровье.

— А туташ эта, Хадича-бике, кем вам доводится?

Слова «туташ» и «бике» Загида слышала впервые, поэтому с любопытством ждала ответа.

— Это сестра наша, — сказали девочки.

— Да, Загида — наша старшая дочка. Она в интернате училась. В этом году учёбу завершила,— ответила Хадича-ханум и выразительно посмотрела на дочек, чтобы запомнили её слова и на расспросы соседней отвечали так же.

— Фатыха-ханум не забывает наши слова,— объяснила она Загиде. —

Замужних женщин у нас называют «бике», а девушек — «туташ».

— Машалла¹, — сказала гостья,— она — копия отца. Девочки, похожие на отцов, счастливыми бывают. Иншалла², туташ тоже будет счастливой.

— Ситдика, кофе готов?— спросила Хадича-ханум. — Сахара не надо много. — Потом обратилась к гостье: — Вы завтракали, Фатыха-ханум?

— Ела, ела,— ответила та. — Но от чашечки кофе не откажусь.

— Принесите чашки,— велела хозяйка дочкам.

---

¹ М а ш а л л а — возглас одобрения.

² И н ш а л л а — если Аллаху будет угодно.

Кофе разлили по чашкам. Женщины пили стоя. Откинув полотенце, гостья взглянула на тесто, потрогала его пальцем.

— Сколько яиц положила, бике?

— Шесть,— ответила та.

— Надо бы добавить ещё одно, тесто недостаточно мягко. Молоко есть у тебя?

Гостья осмотрела пельмени, кинула взгляд на приправы и острые закуски. Спросила:

— Плов когда будет готов?

— Если гости придут в половине первого, к столу подадим в час.

— Если будет доктор, тут уж без закусок никак не обойтись. Он, известное дело, любит заложить. Но человек он хороший, да поможет ему Аллах, за больных своих душой болеет, всёгда спешит на помощь. Учитель Салих тоже от других не отстаёт. Значит, плов будет в два. Так?

— Вы в этом лучше разбираетесь, Фатыха-ханум.

Девочек мать отправила переодеться, привести себя в порядок.

— Потом приходите накрывать на стол, Фатыха-ханум не любит, когда бездельницы путаются у неё под ногами. Ты, Загида, надень самое красивое платье, не забудь отутюжить воротник. Скоро я тоже присоединюсь к вам.

«Какое же платье надеть,— думала Загида,— ведь новые пока не готовы?» Свои платья у неё не очень-то красивы. Она пошла к себе, умылась, причесалась и стала прикидывать платья.

Пришла Хадича-ханум, оглядела девочек и осталась довольна. Подошла к Загиде.

— Нет ли у тебя другого лёгкого платья? Жаль, что раньше не знали о приезде гостей, а то купили бы готовое. Пойдём со мной, — сказала она и повела девушку к себе в спальню. Открыла гардероб.

— Можешь выбрать любое платье,— сказала она,— только, боюсь, по размеру не подойдут. Впрочем, постой-ка, есть у меня кое-что! Платье, в котором я пришла снохой. — И она вытащила платье кирпичного цвета в

цветочек. — Может, это будет впору? Я тогда совсём худенькой была. Если окажется по тебе, погладишь и наденешь.

Загида примерила платье.

— Как на тебя сшито,— одобрила Хадича-ханум.— Твои наряды для такого случая не годятся. Завтра же поедем к портному на примерку, одно нужно будет забрать. А теперь надень туфли, чулки, украшения. Женщины любят сплетничать, постарайся понравиться им.

Загида чуть уменьшила вырез, укоротила рукава, погладила воротник. Получился вполне приличный наряд. Хадича-ханум тоже привела себя в порядок, сменила платье, причесалась.

— Иди сюда, Загида,— сказала она. — Прекрасно получилось, носи на радость. Пусть оно твоим будет. Правда, к волосам подходит не совсём. Ну, ничего, придумаем что-нибудь.

— Всё верно,— сказала Загида,— только фасон не нравится мне.

Хадича-ханум кивнула на флакон духов:

— Побрезгай на себя, только не очень увлекайся.

— Мама, побрызгай на нас тоже, — попросили Сююм с Гульчачак.

— Вам ещё рано. Вот закончите лицей, как ваша сестра, подарю каждой по флакону,— пообещала мать.

Загида погляделась в зеркало и не узнала себя: платье в цветочек, сверкающие бриллианты в ушах, на руке золотые часики с цепочкой и кольцо — нет, это не она, а совсём другая девушка.

— Среди гостей будет жена доктора. У неё много детей. Как любая другая женщина, она любит пороть всякую чушь. Вполне возможно, станет расспрашивать тебя о матери: что, мол, с нею и прочее, чтобы было о чём после судачить,— наставляла Хадича-ханум. — Так что будь осторожна. А жена учителя — женщина простая, много лет промаялась в провинции, постоянно злится и обижается на мужа. Верит, что сын её станет выдающейся личностью... А молодёжь, вроде тебя, учится. Однако эти ребята не забывают прежнего отечества. Обрати внимание, как мужчины общаются между собой,

о чём говорят, и тебе всё будет ясно. Они уже тридцать лет живут здесь, но всё ещё чувствуют себя посторонними. Страна эта для них — лишь временное пристанище, вроде гостиницы. Всё они — друзья юности твоего отца, очень уважают друг друга. Вполне возможно, что знают твою мать. Будь предупредительной с ними.

— В этой одежде я чувствую себя неловко, тутам. Мне стыдно в таком виде показываться на глаза отцу.

— А что в этом наряде не так? Не будешь же ты, как Сююм, ходить в школьной форме? Каждому возрасту — своё. Меняются времена, а с ними — и мода. Нельзя не считаться с законами жизни. Вот если бы ты нарядилась сверх меры, губы ярко намазала, тогда не только тебе, но и мне было бы стыдно за тебя. А у тебя всё в полном порядке. Идите пока вниз, накрывайте на стол. Я приду сейчас.

Девушки, смеясь и щебеча, готовились к приёму гостей. На длинном столе рассчитанном на двадцать человек, появились тарелки, ножи, вилки. Хадича-ханум украшала его салатами, закусками. В ведёрке со льдом винные бутылки. Ханум убрала ведёрко под стол в том месте, где должен был сидеть хозяин. Тимур хлопотал возле большого самовара. Малыша, чтобы не мешал, отец забрал с собой на пристань, встречать гостей. Девочки, как только закончат накрывать на стол, тоже собирались туда. Загида ража была прогуляться с ним в новом своём наряде.

— Ты ведь не знаешь их, — сказала Хадича-ханум, — привлечёшь к себе излишнее внимание. Будет лучше, если встретишь гостей здесь.

Девочки ушли.

— Смотри, Загида, — продолжала наставлять Хадича-ханум, — вот место отца твоего. Рядом сядет доктор, а с другой стороны — учитель Салих-бей. Возможно, подойдут ещё один-два человека. Их посажу я сама. Женщины, как положено, разместятся на противоположной стороне. Дальше — дети гостей. Дочь доктора учится в лицее, ты займёшься сыном учителя. Будешь также следить за тем, чтобы у отца и его друзей было всё, как

положено. Смотреть, не нужно ли чего. Если сами забудут, будешь наливать им в рюмки вино. А я стану смотреть за всеми. После тебе придётся разливать чай — помогать девочкам.

Фатыха-ханум тоже подошла к столу, окинула его глазами.

— Всё готово, Хадича-бике,— сказала она. — Осталось только плов поставить на томление. Сейчас сделаю это. Пельмени, думаю, запустим, когда приедут гости. Хорошо?

— Да, да, Фатыха-ханум, верно.

Снаружи слышались голоса. Через калитку гости проследовали в сад. Хадича-ханум, взяв с собой Загиду, поспешила к ним.

— Прошу вас, доктор! Прошу Асма-ханум! Это старшая дочь наша Загида. Прошу вас, Салих-бей, Мафтуха-ханум! Дети, как ваши дела? Хочу познакомить вас, это Загида, наша старшая дочь.

Загида всё пожала руки.

— Машалла,— сказал доктор,— какой большой девушкой ты стала! Когда ты росла, натерпелся я от бабки твоей — уж до того упряма была! В две шерстяные фуфайки кутала тебя. Ребёнок уж красный весь от жары, а она знай своё талдычит. Вы что же, и теперь по две фуфайки носите?

— Нет, доктор-бей!— сказала Загида, краснея.

— В те времена в Стамбуле мода такая была,— сказал учитель Салих-бей. — Теперь детей так не кутают... Прошу, скорее рассаживайтесь.

Сели.

— Доктор-бей,— сказал Хадича-ханум,— не желаете ли перед чашечку чая? У нас уже готово.

— Что скажешь, Салих?— спросил доктор.

— Валлахи, Хадича-ханум, чашечка чая не повредит после долгого пути. Во рту полная сушь.

Хадича-ханум подошла к самовару и, достав из чайницы две ложки чая, высыпала в маленький чайник. Загида вспомнила, как Хадича-ханум учила её.

— Из большой коробки две ложки, из средней одну ложку, из маленькой пол-ложки... Когда бывают гости, чай надо заваривать в такой пропорции. Поставь чайник на самовар и следи, чтобы вода в нём не закипела.

Чай разлили по чашкам. Потчужа гостей, Загида обошла их с большим подносом. Они с удовольствием выпили по одной чашке. Загида предложила ещё, но гости отказались.

Хадича-ханум достала из-под стола бутылки с вином и наполнила рюмки женщин. Инженер взял в руки бутылку и сказал:

— Доктор, а не приложится ли нам по одной до еды?

— Говорят, гость — это раб хозяина, поступай, как знаешь,— отозвался тот.

Учитель Салих тоже поддержал их. Налили всё, обнесли только сына учителя, дочь доктора, Загиду и детей. Загида недоумённо посмотрела на Хадичу-ханум, потом перевела взгляд на отца. Вместо них ответил доктор:

— Да это же не крепче кумыса. Впрочем, дружище, ты, наверное, ещё не знаешь, что такое кумыс. Очень даже достойный напиток! За вас, почтенные! — поднял он рюмку.

С закусками расправились быстро. Подали пельмени. Загида усиленно угощала мужчин, предлагала то одно, то другое, наполняла их рюмки. Не забывала и о женщинах.

Празднество разгоралось. Мужчины заговорили о событиях на родине. Женщины говорили о детях и о книгах, переведённых на турецкий. Загида старалась поддержать разговор, насколько это было в её возможности. Хадича-ханум взглядом поощряла её. Отец часто обращался к ней с просьбой подать то и это, как бы руководя застольем. Доктор радостно заливался соловьём, непрерывно переходя с одной темы на другую. Вспоминал, как на родине мальчишкой совершал набеги на яблоневые сады, как однажды Шариф-бабай, хозяин сада, поймал его и раздел догола, как он после задами крался домой. Доктор рассказывал так потешно, что всё просто падали со смеху. Учитель Салих над каждым словом хохотал, как ребёнок.

После кофе Хадича-ханум предложила подышать воздухом. Всё вышли в сосновую рощу. В доме остались лишь хозяйка и работница.

Женщины сбились в собственную компанию. Дети окружили велосипед Тимура. Сююм и Гульчачак общались со своими сверстницами.

Мужчины шагали не спеша, переговариваясь. Загида шла с сыном учителя и дочерью врача. Они спорили о литературе, о философии. Всё трое слабо знали историю здешних мест, но рассуждали, как знатоки, и яростно отстаивали свои ошибочные взгляды.

Мужчины остановились перед песчаной косой, уходившей далеко в море, и с восхищением обозревали природу.

— Взгляните на море,— говорил доктор, — на холмы острова, что перед нами. Не правда ли, это так похоже на наши Услонские горы за Иделью? Смотри, Вахит!

— Да, да, если очень постараться, сходство можно увидеть,— отозвался инженер.

— Нет, нет,— возразил учитель,— это точь-в-точь уфимская гора над Димом. В том месте, где он вливается в Агыдель. Широкое степное раздолье... Я вижу, как бродят по нему овцы... Вы почувствуйте, какой дивный аромат доносится отсюда. Похоже, это запах ковыля и кымыза.

— Да, пахнет кымызом,— подтвердил доктор.

— А меня запах трав не волнует,— сказала Асма-ханум,— волнует запах красных казанских яблок! Такого аромата нет нигде в целом свете!

— А вкус какой!.. — подхвПапала другая гостья, — сладость какая... Отчего бы это? — Здесь такое обилие ягод, фруктов, а вкуса никакого. Земля у нас — это же дар небес!..

— Да разве только яблоки, Асма-ханум? А репа какая, репа! — воскликнул инженер Вахит. — Какой дивный вкус, а? Мы с ровесниками репу воровали, ходили за ней очень далеко, в соседние аулы.

— Овощей у нас мало, но от огурцов, тыквы с ума сойти можно — вкус медовый! По осени в каждом доме стоял запах балишей с тыквой. А зимой, в морозы, — дух пирогов с калиной. Какое лакомство!

— А птицы! Каких только не было — гуси, утки... Только ляжет снег, а уж у нас, как на весёлый праздник, собирались ощипывать птицу. Всех девушек созывали. Из лапок и голов большие балиши готовили. Как вспомню, до сих пор слюнки текут. Помнишь ли, Вахит, на сахяр в месяц рамазан какой талкан из муки готовили! Такую муку я здесь всю жизнь ищу и не могу найти. В Адане нашла похожую, но вкус был всёём не тот.

— А белый мёд у нас на родине, какой, помните? — Из липового цвета. Потрясающий запах! — сказала Мафтуха-ханум.

Молодёжь слушала разговоры старших, которые не скрывали своей тоски по родной земле. Старшие хотели продолжить свои сладостные воспоминания, но тут подъехал «караван» ишаков во главе с Тимуром.

— Папа,— сказал он, — мы тут поторговались и сошлись на четырёх курушах за час. Что скажешь?

— Он заберёт всех вас?— спросил инженер.

— Для остальных велосипед есть.

— Пусть с часок покатаются, а после отвезёшь их к дому,— сказал отец хозяину ишаков.

Эпизод этот изменил течение беседы. Доктору показалось, что изо рта у него выхватили любимое лакомство, и он с обиженным видом зашагал вперёд. Загида присоединилась к отцу. Через некоторое время Хадича-ханум подозвала её к себе.

— Ты почему покинула сверстников?— спросила она.

— Мне интереснее послушать, о чём говорит отец со своими друзьями. Там для меня много нового. А ровесники — вроде меня, и говорят, и думают так же. Ничего интересного. От старших я набираюсь знаний. Они такие милые, не важничают, держатся естественно, говорят искренне.

Хадича-ханум улыбнулась:

— Ты права. Но ведь они ровесники твои,— кивнула она в сторону молодёжи. — Увлёкшись разговорами старших, ты рискуешь казаться дурно воспитанной.

— Всё, что они говорят, так примитивно.

— Ты, похоже, соскучилась по умным разговорам. Ладно, как хочешь, но всё же не забывай, что ты хозяйка и обязана быть вежливой.

«Сколько интересного пропустила»,— с досадой подумала Загида, возвращаясь к отцу и его друзьям.

— Доктор-бей,— сказала она смущённо, оглядываясь на отца, — вы так любите свою родину, так скучаете, почему же вы не уехали туда, остались здесь?

— Это очень хороший вопрос, дочка. Настоящий стамбульский! — Доктор поманил отставших, а когда те подошли, повторил вопрос Загиды. — Теперь послушайте меня. Я расскажу, отчего остались мы в Турции,— сказал он.

«Молодость наша,— начал свой рассказ доктор,— совпала со временем великого пробуждения народа. Мы были такими же, как вы, когда страшным бедствием обрушилась на народ русско-турецкая война. Каждый вдруг стал понимать: для того, чтобы стать такими же сильными, как японцы, нужно изучать культуру Европы. Мысль эта возникла во всех умных головах одновременно. Всё, кто мог, стали отдавать детей в школу. В течение нескольких лет открылись тысячи школ. Были изданы тысячи книг. Подготовка кадров достаточно высокого уровня превратилась в самую важную задачу дня. Доктора, адвокаты, работники управления могли бы вызреть в университетах (в России их было достаточно), беда была в том, что не хватало медресе, способных быстро обучать будущих деятелей культуры. Цивилизация наша, к тому же, была повязана с развитием культуры Азербайджана, Турции, Средней Азии. Наша интеллигенция не умом, а душой, всеми помыслами своими была одержима идеей единства всего тюркского мира.

— Ты читала книгу Мухаммеда Челяби, которая называется «Мухаммадия»? — обратился он к Загиде.

— Нет.

— Вот и наши дети здесь не знают её. Однако мы, всё три друга, наши близкие — деды, матери,— много слёз пролили над ней. Сколько сладостных мгновений было прожито нами! Людей, желавших получить европейское образование,— будущих учителей — по старой традиции отправляли на учёбу в Турцию. Потому что помимо желания усвоить культуру Европы, молодёжь эта ещё более страстно мечтала об объединении тюрков. В Турцию уезжали самые способные дети, многообещающие во всех отношениях и поступали в пединституты и университеты на отделения истории, литературы, духовного образования. Так в Турции постоянно из одного только Идель—Урала получали образование несколько сотен студентов, которые становились учителями, писателями, журналистами. Их содержали родители. Первые выпуски специалистов вернулись на родину, устроились на работу, стали трудиться во благо нации. Если возвращались двадцать человек, сорок уезжало учиться. Вслед за нашими ребятами к учёбе устремились казахи, киргизы, молодёжь Туркестана — узбеки, таджики, туркмены. У всех цель одна: впитав в себя достижения культуры Турции, вернуться домой и обучать, воспитывать детей... Я, отец твой, учитель Салих, как и сотни других парней, приехали сюда с той же мечтой. Мы учились здесь, но остаться не согласились бы ни за такие блага. Всё хотели служить родному народу. Нам казалось, что работать учителями здесь,— так же нелепо, как возить дрова в лес. К тому времени, когда разразилась Первая мировая война, мы учились на последнем курсе: я — философского факультета, Вахит — математического. Связь с родиной оборвалась. Родительские деньги поступать перестали. Всё мы впали в нищету. Что было делать сотням студентов, приехавшим из враждебной страны? Полиция, приняв нас за русских, посадила в концлагеря вместе с русскими шпионами и монахами. Некоторых подвергли даже допросам как шпионов. Среди попечителей учебных заведений нашлись типы, которые

строчили на нас доносы в полицию: мол, у них учатся русские — Махмут сын Ахмета, Али сын Усмана. Меня и отца твоего, например, допрашивали, всячески измываясь, и оставили под надзором. Существовать годами без денег, подвергаясь абсурдным обвинениям, было невозможно. Мы собрались и, обсудив своё положение, решили записаться в турецкую армию добровольцами. Но это было небезопасно: если это станет известно в России, семьям нашим грозила большая беда. Их могли арестовать, подвергнуть Аллах ведает, каким мукам, разлучить друг с другом, старых матерей наших погнать в Сибирь... Но другого выхода у нас не было. Тогда решились мы, сорок студентов, написать самому Анвару-паше. Нам стало известно, что, прочитав наше прошение, он приказал сообщить полиции, что отныне российские студенты-тюрки поступают под его покровительство — до тех пор, пока не вернутся к себе на родину, где намерены приносить пользу своему народу. «Пусть продолжают учиться, — распорядился он. — Вопрос их будет решён через один-два дня». Вопрос и в самом деле был рассмотрен: нас определили в спецшколы. Я попал на третий курс медицинского учебного заведения, Вахит — в инженерную школу, многие — в разные армейские школы культуры. Закончив обучение, стали работать в госучреждениях, а по окончании войны должны были вернуться на родину. Война окончилась, но нам объявили, что знания, полученные здесь, в России не годятся. А позднее стало известно, что интеллигенция, учившаяся здесь, расстреляна. Убиты даже те, кто сражался на фронте. Так что о возвращении домой нечего было и думать. Некоторые из наших товарищей говорили: «Я из бедняков, там расстреливают только богатых. Я вернусь», и уезжали... Да, они уехали, только их всё равно поставили к стенке... Мы оказались между двух огней. Кое-кто из наших отправился в Польшу, Финляндию, которые раньше были российскими колониями, и устроились там учителями. А кто-то предпочёл страны Дальнего Востока или Америку. Пока мы размышляли, куда податься, европейские страны напали на Турцию. Началась Балканская война. Против Турции вспыхнули восстания. Мы решили, что обязаны встать на защиту

независимости Турции, которая оказалась в полной изоляции, и помчались в Анатолию. От начала до конца принимали участие в войне, отстаивая свободу страны в труднейших условиях лишений. Много наших ребят полегло тогда — Халим. Фатых, Мустафа... Было немало раненых. Мы заражались также малярией, тифом. Земляки наши, воевавшие в освободительной войне, почти всё получили высокие должности. Мы же, как всегда, спешили туда, где было трудней всего, куда изнеженные стамбульские юнцы идти не желали... Так и остались здесь, работая докторами, инженерами, учителями, финансовыми работниками. Да, остались... Но в мечтах мы всегда в родном нашем Доме. А в России после войны жизнь оставалась трудной, изменилась в худшую сторону. Вот почему оттуда едут сюда всё новые и новые переселенцы.

А годы идут, нам, глядишь, уже за тридцать! Жизнь проходит, а мы всё ждём и ждём, когда, наконец, сможем выполнить заветную мечту — служить нашему народу. Так, чего доброго, и без семьи остаться можно. Начали жениться... Пытаемся строить жизнь так, словно мы у себя на родине. Пусть это лишь подражание той жизни, а всё же стараемся, как можем. Мы честно трудимся, чтобы оправдать свой хлеб, выкладываемся сверх сил. Не считаясь с тем, день ли теперь, ночь ли, я порой пешком иду из одного конца города в другой, бывает, что и бесплатно оказываю людям помощь. А отец твой по двенадцать часов вкалывает там, где другие тратят два—три часа. Учитель Салих педагог с двадцатилетним опытом, преподаёт тюркскую литературу в самом глухом углу Анатолии. Наши предприниматели, финансисты — люди незаурядные, которые на родине могли бы являть беспримерные трудовые подвиги, здесь вынуждены терпеть хамское отношение ничтожных недоучек и за малейшую ошибку рискуют лишиться работы.

— Тут, говоря откровенно, наши тоже хороши: слишком уж длинные у них языки. Без критики не оставляют ничего,— заметил Салих-бей.

— Это верно,— согласился доктор,— но они это делают от чистого сердца, из желания помочь туркам, беспокоясь за них. Их критика — не пустая болтовня про какого-нибудь одного итальянца, армянина или еврея. Они

пишут о серьёзных делах с болью, со слезами на глазах. Впрочем, есть тут и доля подхалимажа, не без того. Но критикуем мы доброжелательно, вполне искренне. Желая Турции процветания».

— Вот, дочка. Я перечислил причины, вынудившие нас остаться.

— Простите, доктор-бей,— сказала Загида,— у меня и в мыслях не было обидеть вас. Просто хотелось узнать, как человек, влюблённый в свою родину, смог отказаться от неё.

— Ты, хотя и дитя Стамбула, но совсём не похожа на своих сверстников. Никто из них так не думает.

В разговор включились и другие гости. Он затянулся надолго, но про чай, этот священный ритуал отцовского дома, не забыли. Опьянённые благоуханным воздухом острова, всё чувствовали себя прекрасно, настроение было отменное.

Самовар поспел, стол был накрыт.

Загиду не покидало беспокойство. Ей казалось, что любопытство её похоже было на бестактность и обидело доктора. Увидев, что Хадича-ханум стоит одна, девушка подошла к ней.

— Кажется, тутам, я поступила глупо, задав доктору так взволновавший его вопрос.

— Нет, нет,— отозвалась ханум,— наши вовсе не так уж щепетильны и ранимы. Напротив, ему очень понравился твой вопрос. Всё они готовы целыми днями говорить о родине, и не было случая, чтобы, погорячившись, обидели друг друга. Вот увидишь, отныне доктор будет ещё искреннее с тобой.

Загида с Сююм стали разливать чай.

— Доктор-бей, вам как налить, покрепче или не очень?

— Средне, дочка... Ты теперь тожеходишь в нашу жизнь. Тебе здесь всё, наверное, ново и чуждо?

— Вы правы, только мне всё нравится.

— Как говорится, коль душа не лежит, так кровь тянет,— сказала одна из женщин.

Сююм перевела пословицу.

«А ведь и верно, мне хорошо среди этих людей,— думала Загида. — Потому что какие-то таинственные нити связывают меня с ними. Нити эти нельзя видеть, нельзя пощупать, но они есть. Я пока не знаю всех обычаев и нравов, знаю только, что здесь мне уютнее и теплее, чем в Стамбуле».

— Ты французский знаешь?— спросил её учитель.

— Думаю, что да. Я читаю на этом языке.

— Тогда ты должна быть знакома с французской литературой. В последнее время там появилось новое течение. Суть его в том, что понять человека можно лишь в том случае, если погрузиться в его среду. На Востоке это узнали давно. Да и можно ли не согласиться с тем, что американский миллионер, например, никогда не создает того, писал Максим Горький. Ты уже поняла, что татарские мужчины и женщины живут в Турции с кровоточащей раной в сердце. Этого никогда не понять туркам, считающим нас, по их понятиям, простоватыми и не очень умными, зато способными сострадать. В отличие от них мы действительно умеем чувствовать искренне и живо. Умеем сочувствовать чужому горю. Думаю, что и для тебя сегодня это стало новостью, дочка. А как у тебя со старым алфавитом?— продолжал он задавать вопросы. — Читать умеешь?

— Умею.

— В таком случае читай журнал «Дом тюрков». В особенности те номера, которые вышли до Первой мировой войны. Они объяснят тебе, кто такие северные тюрки, каковы их заветные мечты и цели. Тогда будет тебе ясна вся глубина тоски. В библиотеке твоего отца журналы эти есть. И ещё надо читать казанскую литературу. Тогда до тонкостей будешь понимать казанский наш диалект. И сравни её с местной литературой — сплошным подражанием французской. Ты увидишь, как силён национальный дух наших книг— всё сто процентов!

— Непременно прочту. Мне очень интересно.

— Пусть это будет не простое любопытство, с которым смотрим новые фильмы. Интерес надо привести в систему и не жалеть на это ни времени, ни сил.

— Загида у нас пока что гостья,— вступилась за дочь Хадича-ханум,— не нагружайте её.

— Это не нагрузка,— возразил доктор.— Учёба для молодых — это совершенно необходимая потребность. Как воздух. А ещё важно уметь использовать свои знания на хорошие дела. В молодости, у себя на родине, мы зачитывались турецкими книгами, изучали турецкий диалект и особенно литературный язык. И Загида, если будет читать, язык усвоит быстро. А если заговорит на нём, её поймут многие тюрки. Язык наш богат необыкновенно. Знание его для будущего литератора обязательно.

Чаепитие затянулось. Разговор не раз менял тему и, в конце концов, снова вернулся к воспоминаниям. Дамы, сидевшие за столом, незаметно превратились в «бике». Загиду теперь называли «туташ», и язык наполовину стал казанским.

После чая молодёжь отправилась к морю, мужчины решили прогуляться, женщины занялись обсуждением новостей, сплетнями. Приём гостей на острове продолжался.

Вернувшись с моря, молодые застали матерей на кухне. За большим столом они готовили какое-то блюдо из дрожжевого теста.

— А это что будет? — спросила Загида.

— Сумса, самое любимое блюдо,— сказала одна из женщин,— не угостив этим блюдом, мы не отпускаем ни одного уважаемого гостя. Без него ни одного праздника, ни одной свадьбы не бывает.

— Оказывается, на родине у вас едят много теста.

— Да, много. Овощей у нас мало. Основная пища — это мясо и тесто. Зимой бывает холодно, и печи начинают топить с утра. Печи в домах большие, вроде здешних фурынов. Пользуясь этим, уже к завтраку подают горячую еду из муки. Зимой такое едят каждый день.

— А люди не толстеют от мучного?

— Нет, изделия из теста очень разнообразны.

— Какие это изделия?

— Коймак (блины) из теста пресного и дрожжевого: гречишные, пшённые, овсяные, гороховые; перемечи из пресного и дрожжевого теста: казанские и мишарские; кыстыби; хлеба всевозможные: с творогом, ржаные и пшеничные; сумса: с мясом, с потрохами, с пастилой... Словом, много всего, перечислить трудно. Потом идут балиши и прочее такое.

— Балиши я ела,— сказала Загида.

— Ты ела лишь один балиш, а их бывает очень много,— объяснила Хадича-ханум. — Блюд у нас — великое множество, и всё отличаются друг от друга.

Ко времени ахшама подошёл ещё один соотечественник, живущий здесь же, на острове, служащий банка Хамит-бей с семейством — женой и детьми. Так что общество увеличилось. К столу подали холодный язык, салаты, солёные огурцы. Хотя за столом сидели долго, к этим закускам интереса никто не проявил. Зато на сумсу, обжаренную в масле, набросились всё. Пирожки были румяные, пышные, выглядели очень аппетитно.

— Угощайтесь! Здесь сумса с мясом, здесь — с яйцами, а здесь — со сладкой начинкой. Ничего особого приготовить не сумели,— проговорила Хадича-ханум, как бы оправдываясь.

Загида вначале попробовала по одной сумсе каждого вида, а потом потянулась за четвертой и пятой... Сумса была чуть помельче французской булки, очень нежная, воздушная.

Заметив, что доктор огляделся с беспокойством, Загида спросила:

— Доктор-бей, чай подать вам?

Чай был предложен мужчинам, чуть позже женщины тоже изъявили такое желание. И молодёжь явилась к чаю. Гости опустошали чашку за чашкой, поедая сумсу, воздавая угощению заслуженную похвалу. Меджлис шёл своим чередом.

— А теперь вы, молодые, покажите, на что способны. Вахит, у тебя ведь гитара есть, — сказал доктор, — пошли-ка за ней. А гармонь есть?

— Гармонь есть у меня,— сказал Хамит-бей. — Жаль, что не догадались взять с собой. Давай, сынок, сбегай-ка домой!..

Вот на середину вышел сын учителя со скрипкой. Образовался маленький оркестр. Молодёжь хором запела казанскую песню. Следующую песню поддержали женщины. Третья песня была протяжной и грустной. Тут уж не удержались и мужчины. Загида впервые слышала такую музыку, но и она пыталась подпевать понемногу. Мафтуха-ханум оказалась хорошей певицей. Она исполнила соло.

Грустные песни притушили радостное настроение. Было похоже, что гостей вдруг охватила великая скорбь. Загида увидела, что всё плачут. Кто-то затянул песню «Туган илькаем» («Край родной»). Загида попросила Сююм рассказать, о чём она. К этой печальной, рвущей душу песне присоединились всё — мужчины, женщины, молодёжь, дети. Взглянув на отца, девушка увидела, что по щекам его медленно сползают две слезинки. Перевела взгляд на доктора. Тот был в таком же состоянии. И лицо учителя было мокрым от слёз. Банковский служащий крепился изо всех сил, но глаза у него тоже были на мокром месте. О женщинах и говорить нечего — они дружно всхлипывали и вытирали глаза. Наблюдать за другими Загида больше не могла — внутри неё оборвалось что-то, и стали душить подступившие к горлу слёзы. Всё же странно были видеть почтенных людей, плачущих посреди праздника, страдающих по родине, оставшейся где-то далеко-далеко. Усилием воли она пыталась сдержать слёзы. Глаза её встретились с взглядом Сююм. Девочка тоже плакала. Как ни старалась Загида, всё же не смогла удержаться. С ресниц сорвались две хрустальные бусинки и скатились вниз. Собственные слёзы вместе с горечью доставляли ей почему-то сладостное упоение.

Но вот песня смолкла. Думая о родине, всё замерли на несколько минут. Молчание нарушил доктор.

— До чего же тяжело слушать эту песню,— сказал он. — Она просто рвёт душу... Давайте-ка, дети, спойте нам что-нибудь весёлое.

Зазвучала «Галиябану». Потом пели другие песни. Слезы высохли, настроение поднялось. Веселились допоздна, до отправления последнего парохода. Вот гости стали собираться домой.

Загиде казалось, что она знает этих людей давным-давно, как будто они всегда были рядом — и в горести, и в радости. Обильно пролитые слёзы будто смыли разницу между ними и нею, чуждой им девочкой из Стамбула. Всё они стали близки и понятны, словно задушевные школьные друзья.

* * *

Загида проснулась, переполненная безотчётной радостью. Во время завтрака попросила у отца книги, которые посоветовал ей читать Салих-бей.

— Большая часть книг в сундуке,— сказала Хадича-ханум,— но некоторые можешь брать — они на полке в комнате у отца. Пока посмотри их. Я помогу тебе, только сегодня после обеда мы с тобой должны ехать на примерку к портнихе. Платье с воротником должно быть готово. Завтра едем к доктору на обед в слободу Эренкой. А может, в город ты с Сююм поедешь?

— Не знаю, тутам, смогу ли я объясниться с портнихой? Не обманет ли она меня? Может, всё же вместе поедем?

— Нет, ты уже не ребёнок, привыкай понемногу к самостоятельности. Сююм посмотрит на платье, да ты и сама увидишь в зеркале. Эта портниха сшила нам много платьев и сошьёт ещё. Поэтому нас она не обманет. Если платье готово, заберёшь его. А если нет, съездите за ним рано утром, с первым пароходом.

Загида подошла к полке, битком забитой книгами и подшивками газет. Сююм с Гульчачак подбежали к ней. Книги с арабским шрифтом не были похожи на современные издания, — другая бумага, другой формат, другое оформление, переплёт. Названия обычные тюркские. Кричащих, бросающихся в глаза обложек не было. Не про любовь и не о приключениях повествовали они.

Сююм перечисляла авторов:

— Это Габдулла Тукай, это Мазит Гафури, Сагит Рамеев.

Загида листала книги, читала название стихов, что-то понимала, а что-то спрашивала. Вот увидела стихи «Туган тел» («Родной язык»).

— Слово «туган» в языке казанцев встречается очень часто,— заметила она.

— По-турецки это «доган». А стамбульцы звук «д» произносят как «т»: «тоган».

И туган тел, и матур тел...

— А «матур» что значит?

— «Гузаль».

Сююм стала декламировать.

— Сколько здесь простых, душевных слов, сколько глубоких мыслей!
— восхитилась Загида. — Почитай ещё.

— Это детские стихи,— сказала Гульчачак. — Их каждый ребёнок знает.

— Я тоже хочу научиться,— сказала Загида.

Она прочитала стихи один раз и, закрыв глаза, попыталась повторить, но не смогла. Девочки стали помогать.

— У этих стихов есть мелодия,— сказали они. — Давай споём вместе.

Так ты скорее запомнишь.

Девочки запели «Туган тел» втроём. Повторили раза три-четыре. Загида запомнила и стихи, и мотив.

Напевая, она продолжила разглядывать книги. Сююм показала стихи Тукая на языке тюрки, на котором интеллигенция разных тюркских народов общалась между собой. Он очень близок к турецкому, поэтому Загида поняла стихи почти полностью и с увлечением стала читать вслух. Девочки поправляли произношение некоторых слов.

— Апам, обрати внимание на эти стихи,— сказала Сююм, — Тукай пишет здесь о собственной смерти. Пишет так, словно видит её со стороны. Мы знаем это наизусть. Стихи также положены на музыку.

Загида начала читать:

Саз мой нежный и священный,
Слишком мало ты играл...

Сююм, как могла, объяснила содержание. Загида прочла раз, другой — и, похоже, смысл дошёл до неё. Ей стало грустно, появилось ощущение конца.

— Нет, девочки,— сказала она,— это слишком тяжело!

— Да, правда,— кивнула Сююм. — В траурные дни Тукая плачут не только дети, но и учителя.

Они перешли на юмористические стихи Тукая.

Снизу послышался голос матери:

— Девочки, к морю пойти не хотите?
— Нет, мама, не пойдём.

Следующие стихи были для детей.

— Что такое «шурале»? — спросила Загида.

— Леший, бес лесной.

— А «леший» что такое?

Загида так и не смогла представить себе это чудище.

Перешли к стихам Сагита Рамеева.

— Мы учили два его стихотворения,— сказала Гульчачак и продекламировала:

«Я»» — говорю я убеждённо,
И силу чувствую в душе.
Цари и боги, и законы
Мне сором кажутся уже...

Сююм пыталась растолковать содержание стихов, но Загида не поняла.

Прочла ещё раз.

— Ну, а теперь прочтите вы,— предложила она.

Девочки с чувством продекламировали в два голоса.

Загида сказала:

— Теперь поняла. В этом человеке есть гордость, большая сила духа!

Кто он?

Загида хотела знать о жизни поэта. Девочки рассказали, что знали.

— Это я тоже запомню,— заявила Загида и переписала стихи в тетрадь.

Она несколько раз прочла их вслух.

— Апа, вот ещё стихи! В школе мы распевали их под музыку. Читай, это ты выучишь быстро.

Загида прочла:

Гори, гори, гори ты, сердце,

Гори с зари и до зари,

Гори и месяцы, и годы,

Безостановочно гори!..

Каждое слово было ей знакомо. Девочки напели мелодию. Загида повторила стихи пять раз, после чего смогла пересказать наизусть. Ей вдруг показалось, что перед ней распахнулась душа живущих на севере тюрков, их сокровенные чувства. Она будто проникла в тайну неизбывного горя народа, не перестающего страдать уже много веков.

— А музыку кто сочинил?— спросила Загида.

— Поэт сам.

— В этих стихах слышится мощь, присущая самому народу.

Прочитав стихи несколько раз, Загида запомнила их.

— Никому не говорите, что я учила стихи, — попросила она. — Пусть для других это будет сюрпризом.

Дошла очередь и до Мазита Гафури. Внизу послышались шаги. Отец, вернувшись с моря, поднимался к ним. Увидев дочерей среди книг, разбросанных на ковре, он удивился:

— Как, вы всё ещё с книгами возитесь? Уже обедать пора.

— Бей-атам, я открыла для себя целый мир! Послушай стихи, которые я выучила.

И она прочла ему стихи Сагита Рамеева «Я».

— Машалла, машалла!— одобрил инженер. — А ты понимаешь, о чём они?

— Понимаю. И откуда у этого поэта столько гордости?

— Это гордость народа, который вот уже четыре столетия не склонил голову перед русскими. Всё оттого, что верит в свою силу.

Спустившись в столовую, Загида не переставала с восторгом говорить о стихах.

— Что, если сегодня остаться дома?— сказала она Хадиче-ханум. — Чего мы там не видели, в Стамбуле? — Всё те же мосты, те же улицы, всё те же крики армянских и итальянских зазывал. Гораздо интереснее посидеть дома с книгами.

— В жизни во всём нужна мера,— наставительно сказала Хадича-ханум. — Брать надо от всего понемногу. Стихами вы уже позанимались. Теперь пора подумать о прозе жизни. Если не выкупить платье сегодня, завтра в гостях будешь чувствовать себя неловко. Поезжайте с Сююм и доведите дело до конца.

— Я тоже хочу поехать с сёстрами,— сказала Гульчачак.

— Что тебе там делать? Останешься дома за старшую. Если придут гости, кто напоит их чаем? Я разве? В доме три дочери, прилично ли это будет?

Гульчачак уговорили остаться.

— Если платье не готово, подождите, пока доделают. Или, если это возможно, пусть завтра доставят заказ сами — ровно к десяти утра. Тогда же и рассчитаемся. Собирайтесь.

Провожая девочек, Хадича-ханум напомнила Загиде:

— Непременно навести мать. Может, съездите к ней после примерки, пока платье дошивать будут?

Загида побледнела и проговорила упавшим голосом:

— Как мне ехать туда после вчерашнего вечера, после книг? Для меня тот дом как могила. Уже ничто не связывает с ним.

— Возможно могила, да только для матери. Ты должна найти к ней подход. Для твоего же будущего. Как бы тяжело тебе не было. Это — твой долг. Думаю, присутствие Сююм облегчит задачу, несколько смягчит разговор. Говори с матерью бережно, ведь она — женщина. Ладно, идите. Желаю удачи!

Загида шла, размышляя над словами мачехи. Сююм видела, как изменилось настроение сестры.

— Ты почему боишься матери? — спросила она.

— Ты не поймёшь, золотце, ведь ты ещё ребёнок.

— Клянусь, я всё пойму!

— Я любила её, а теперь чувство погасло. Меня, совсём ещё маленькую, она оставила без отца, сделала сиротой. Она внушала мне неуважение к отцу, обманывала. Поняла? Я сама разыскала свою семью. Ей это не понравится. Она захочет разлучить меня с вами. А я полюбила всех вас — отца, вас, вашу маму, доктора... Всех, всех!.. Как же вернуться мне в холодную, как могила, жизнь?

— Мы тоже любим тебя, апа! — воскликнула Сююм. — Не надо туда возвращаться, вместе жить будем.

Они поднялись на пароход. Загида снова заговорила о стихах, желая ещё побыть в мире прекрасного, не думать о неприятностях.

С примеркой получилось удачно. Обещали часа через три-четыре платье закончить. Теперь надо было идти к матери.

— Сююм, если мать попытается удержать меня, скажи, что возвращаться без меня тебе страшно, ладно? А если не отпустит, одна доберёшься?

— Конечно, только без тебя я не хочу. Тогда останусь с тобой.

Загида засмеялась.

Они постучали в дверь, им никто не открыл. Тогда Загида достала свой ключ. Дома никого не было. «Понятно, мать, как всёгда, шатается по чужим домам»,— недобро подумала она. Сююм с интересом озиралась по сторонам. Обошла плохо обставленные комнаты.

— Зимой здесь, наверное, холодно, апам? — спросила она.

В квартире было неуютно. Отовсюду тянуло холодом бедного нежилого обиталища. Загида была рада, что матери нет. Она быстро набросала записку: «Была, тебя не застала, скоро приеду ещё. Я здорова». Девушка торопилась, боясь, как бы не вернулась Малахат-ханум. Даже не угостила сестрёнку. Сююм предложила поехать на трамвае в слободу Баязит к Камал-бею, земляку отца.

Их приняли ласково, усадили за большой стол с самоваром.

— Это наша Загида-апа, — сказала Сююм.

— Машалла, — воскликнула хозяйка Зарифа-ханум, — какая большая! Ты очень похожа на отца, да поможет тебе Аллах!

— Ты уже сдала экзамены на аттестат зрелости? — поинтересовался Камал-бей. — Если надумала поступать в университет, там у меня одноклассник служит.

Сююм сказала, обратившись к этому бородатому, рано постаревшему человеку:

— Госман-абый, почему вы не приезжаете к нам? Папа сейчас дома, спрашивал о вас. Сказал, чтобы приехали.

Бородач был немного навеселе.

— Приеду! — сказал он. — Пока что дело есть у меня. Пишу книгу. Я, когда пью, то набираюсь за чёртиков; когда читаю, глотаю книги, как акула ненасытная; а когда пишу, забываю всё на свете! Сейчас я как раз пишу, а как закончу, книгу продам и куплю одежду. Ты ведь понимаешь, что в таком виде в гости не ходят? Вот тогда и приеду... А ты, девушка, что же, инженеру Вахиту дочкой доводишься? — спросил он неожиданно по-русски.

— Да она же не русская, Госман-абый,— турчанка!— вскричала Сююм.

— Всё они одним миром мазаны! Маржа — и всё тут! Русская, турецкая, ногайская — всё едино!

— Что такое маржа?— спросила Загида.

— Так называют русских женщин — искажённое от имени Мария, — ответила Сююм.

Зарифа-ханум сказала:

— Прошу вас, пейте чай. Госмай-бей лишнее говорит. Но я умоляю вас, пожалуйста, не ругайте его!

— Да, да, не ругайте его, он пьян,— передразнил её хозяин. — Туташ, отец твой — друг мне. Но он дурак. Что ты такое говоришь.

— Госман-бей?! Как же инженер может быть дураком? Он человек воспитанный и очень умный!

— Потому и дурак, что умный. И не только дурак, он — просто ничтожество. Ты, туташ, не верь им. Всё они — шовинисты татарские, уверяю, будто всё татарское самое замечательное: перемячи, пельмени, литература, музыка, женщины. Всё прекрасно! А я утверждаю, что всё это — чушь! Я в России учился, могу судить объективно. Сами русские — тоже ничтожества. Если бы не были такими, разве стали бы большевиками? Единственно, что есть у них стающего, — так это водка, да и она — отравка чудовищная. Меня русская водка отравила... Я думаю, время моего поколения подошло к концу. Кто прочтёт нам заупокойную женазу? Нам, прооравшим на чужбине? Кто предаст тела наши земле?

— Госман-абый, так когда же вы приедете к нам?— повторила Сююм свой вопрос.

— А когда приехать?

— Приезжайте сегодня, атам дома как раз.

— Сегодня у меня денег нет.

— У нас есть деньги, давайте вместе поедем.

— Астагъфирулла! Чтобы я, адвокат Госман, брал деньги у детей?! Я — не мусор какой-нибудь, я — Госман!

— А что такое деньги? Разве не тот же мусор, Госман-бей?

— Ай да молодец! Верно, говоришь! Да ты, оказывается, умна, как и отец твой. Деньги, конечно же, мусор. Всё на свете — мусор, не мусор только я!

«Я!» — говорю я убеждённо.

И силу чувствую в душе.

Цари и боги, и законы

Мне сором кажутся уже...

— Сором... — повторил он и, пошатываясь, пошёл к выходу.

— Так-то вот, соринки... — сказал, исчезая за дверью.

— Бедняга, — вздохнула Зарифа-ханум, — на родине он большим адвокатом был, а здесь не смог найти работу, не пригодился. Оттого, что русское образование получил. Остался без денег, без влияния, запил, не выдержав постоянного невезенья. Сам он очень хороший человек, жертва эмиграции. Сколько, таких же вот замечательных людей пропало!..
Большевицкая революция сильно навредила нам.

Когда девочки собрались уходить, женщина сказала:

— Крошки мои, передайте привет маме, отцу. Приходите ещё.

Выкупив у портнихи платье, девочки к ужину вернулись домой.

* * *

На другой день в двенадцать они уже были в доме доктора в местечка Эренкой.

Всё гости были знакомы Загиде, за исключением женщины, которую молодёжь называла хозяйкой и учительницей, а старшие — Халимой-ханум.

Поскольку учитель Салих с женой уехали в Бурсу, их не было. Отсутствовали и другие приглашённые, так что народу оказалось немного.

Халима-ханум, хозяйка школы, сказала:

— Вот, пришла к доктору-бею за консультацией и встретила вас. Признаться, я уже постарела, обленилась, из дома не выхожу. С тех пор, как потеряла своего Рахматле, со мной случилось что-то — утратила интерес к

жизни. Прежде, бывало, во время каникул, усидеть не могла — бежала в Стамбул. Всех земляков обходила, не оставляла никого. А после — то ли земляков меньше стало, то ли детьми больше занимаюсь...

— А как дочка? Школу, наверное, уже закончила,— спросила Хадичаханум.

— В этом году она на последнем курсе женской учительской школы, — ответила Халима-ханум. И сын нынче саблю на параде победы пристегнёт. С ними, вроде, легче будет. А впрочем... Не знаю, право, что и сказать: будущее покажет. Меня очень волнует, что уже восемь лет о родных никаких вестей не имею... Кто жив, кто мёртв — не знаю ничего!.. Тем и живу, что во сне их вижу. На родине четыре сестры и три брата остались... В старые времена хоть переписываться можно было, в хадже видеться могли. А теперь из родины нашей настоящую тюрьму сделали. В прошлом году в посёлке Алазыз приезжие с Кавказа обосновались. Говорят, казанцев у них там, на Кавказе, много стало. Большевики, якобы, сгоняют людей с насиженных мест и высылают в другие края. В Казань же множество хохлов нагнали. Ума не приложу, для чего они делают это! Искоренить наши старые обычаи хотят, разрушить прежнюю жизнь? Не знаю... Дети переселенцев малярией заражены были. Вы же понимаете, я — учитель, не могу оставаться безучастной. Пришлось ещё и врачом быть. Вот, пришла к доктору, чтобы расспросить о некоторых способах лечения, узнать о лекарствах. Вы, наверное, слышали, покойный муж мой ведал размещением беженцев в Алазызе. Я в школе работала. Было у меня тогда четверо детей. Только переехали, они друг за другом болеть начали. Один чесотку подхватил, другой без волос остался, третий — малярией заразился. А в слободе ни доктора, ни аптеки. Пришлось самой кумекать, что к чему — по старым книгам. Спасла я своих детей. Соседи видели это, стали ко мне обращаться. Дети их иногда выживали чудом, так по всей округе о докторских «подвигах» моих молва пошла. Но вот от тифа умерла дочка, по неизвестной мне причине скончался сын. Но людей это не смутило... Когда заболел мой Рахматле, показывала его в Стамбуле врачам. И

сама прочла множество медицинских книг. Однако спасти его не удалось. После смерти мужа детей устроила в интернат и стала помогать людям. Что ни день, едва освобожусь, бывало, в школе, — наскоро перекушу и бегу к больным... А болезни всё те же — малярия, чесотка, облысение... Тружусь, как могу, через чиновника по охране здоровья лекарства получить пытаюсь, а мне не дают: диплом нужен, говорят.

Задумалась я: надо бы окончить какие-нибудь краткосрочные курсы по медицине, но таких не оказалось. Были, правда, курсы по подготовке сестёр-сиделок. Науку эту я и без них хорошо изучила, поэтому поступать не стала. Сейчас меня всё знают,— улыбнулась Халима-ханум, — «татарской апой» называют. Очень боюсь допустить ошибку, вот и пришла посоветоваться. Ну ладно, не стану мешать вам, пойду. Могу ведь и в другое время прийти.

— Больные платят что-то? — спросил доктор.

— Я не хочу брать. Но когда у кого-то рождается ребёнок, обычно несут: кто яиц пяток, кто масла кусок, а кто немного сыру. Больные мои очень бедны, я помогаю им ради милости Аллаха. Сама я неплохо зарабатываю в школе. Самое главное моё «лекарство» — это уважение к санитарии и гигиене. Из Египта заказываю душистые целебные травы, готовлю микстуры. Химией, понятно, не пользуюсь. Больные мои — по большей части дети из бедных семей. Участились в наших краях случаи сифилиса. Для лечения, доктор, нужны мне дешёвые, доступные моим подопечным лекарства. Сифилис просто косит людей.

— И чем вы их лечите? — поинтересовался доктор.

— Таких больных я отправляю в город. Но они не хотят туда ехать. Есть у меня немного лекарств. Однако самое верное средство — это заразить ребёнка, больного сифилисом, малярией. Как залихорадит — значит, спасён. А уж от малярии я его избавлю. У меня первое требование к роженицам — содержание младенца в чистоте. Смотря по семейству, бывает, что в первые два-три дня я сама купаю ребёнка и учу этому мать.

Принесли еду. Разговор переключился на другую тему. После супа Асма-ханум вынесла «тутырган-тавык».

— Что это? — спросила Загида.

— Курица, фаршированная яйцами. Попробуй, потом скажешь, как понравилось.

— А кто её разделает?

Асма-ханум пояснила:

— Это дело непростое, Загида. Существует определённое правило, и знают его не все. Поэтому разделяет человек опытный.

— Если нож у тебя острый, я займусь этим,— предложила Халима-ханум.

Она поставила блюдо с курицей к себе на колени и начала аккуратно отрезать кусок за куском и делала это так ловко, что ни яйца не просыпались, ни мясо не развалилось. Куски красиво выложила на блюде. Ножки птицы дала маленькому Батыру и дочке доктора, говоря:

— Это — всегда доля малышей.

Загида внимательно выслушала всё, что было сказано о новом для неё блюде, и с большим аппетитом принялась за еду. Женщины упоминали также о фаршированной индейке. Напоследок подали эчпочмаки — треугольные пирожки с мясом и картофелем.

После кофе Асма-ханум показала Загиде семейный альбом.

— Это всё, что осталось от прежней жизни, память о родине. Посмотри, как там одеваются, как живут.

В альбоме на фотографиях Асма-ханум сидела среди друзей, были семейные снимки, а также портреты писателей, поэтов, артистов, виды праздников, свадеб, сцены национальных торжеств. Обращали на себя внимание национальные наряды — платья, калфаки, каляпуши, ичиги, кавуши. Разглядывая всё это, Загида понимала, что народ этот когда-то был свободным, жил независимой жизнью, имел одному ему присущие обычаи и стиль. Это не могло не удивлять.

У Загиды было много вопросов.

— Разве снимки эти сделаны не в России? — спросила она.

— В России.

— Тогда где же здесь русские?

Женщин рассмешили её слова.

— Это наша земля, Дом наш, где деды жили тысячу лет. Для вас это Россия, а у нас её так никто не назовёт. Нельзя сказать, что русских нет там, но народ наш в свою жизнь их не допускает. Россия — это жандармы, банкиры, мелкие чиновники, берущие в судах взятки. Близкого общения с ними у нас нет. В таких больших городах, как Казань, ведём с русскими торговые дела, но друзьями или родными они не были нам никогда. На русских девушках у нас не женятся и своих в жёны им не отдают. Без исключения, разумеется, не обходится. Такие оригиналы, которые женятся на русских и выходят за них замуж, есть, но их мало. Иные содержат русских любовниц, но в семью их не приводят.

— Как красиво они одеты, Папа! — обрПапалась Загида к отцу. — А у нас есть фотографии дедушек?

— Есть кое-что, — ответила Хадича-ханум. — Только они не в столь идеальном порядке, как в Асмы-ханум. Покажем.

— Существовала возрастная мода. Вот смотри, как одета молодая девушка, и женщина в годах. Обязательны только две детали: калфак и ичиги. Они были очень разнообразны. У дамы большой калфак, у девушки он средней величины, тут и всё один лишь цветок. Одежда мужчин, правда, старого покроя, но и она постепенно становится короче. Иди сюда, я покажу тебе старинное платье. — Хозяйка достала свадебное платье из дорогой ткМама.

— В этом я была во время никяха.

Дверь открылась, и вошел новый человек, учитель Фахри-бей.

— О, какая встреча! — обрадовано воскликнул он. — Я собирался навестить каждого из вас, а вы всё тут. Не могу денег на детей набрать. Наши баи наредкость жадные. Хочу со всех вас собрать дань. Если господа-

барышники не помогут, плохи мои дела. Двух сироток в приют устроить собираюсь. Я слышал о полковнике, который, попав в первую мировую войну в русский плен, получил от нас большую помощь. Приехал искать его. Если не поддержат такие, как он, тогда — кто же? Я нашёл его дом, а он охотником оказался, уехал уток стрелять. Из-за него целый день пропал. Ещё неизвестно, чем это кончится. Детей жаль. Такие способные, старательные. Нет у них ни отца, ни матери. Земляки пожалели их, привезли, боясь, что пропадут среди русских. Привезти привезли, а прокормить не могут, сами в нужде. Беженцы, вроде них, всё едут и едут сюда. Получил письмо из города Карс. Ещё одна пара супругов с четырьмя детьми перебиралась через границу. Мужа застрелили. Снова деньги искать надо, чтобы детей в школу устроить...

— Ну, бисмилла! Приступим. Начну, пожалуй, с вас, доктор-бей...

— Постой, Фахри-бей, выпей сперва свой кофе,— сказала Асма-ханум.

— Если обеспечу этих детей хотя бы на неделю, тогда и кофе вкуснее покажется.

— Правильно, правильно, Фахри-бей, спасибо тебе!— сказал доктор. — Ты — гордость наша! Нам на подобные праведные дела всё времени не хватает. Да и ленивы мы. Плохо, что землячество наше прикрыли.

— Ещё как плохо! Это уж я знаю! Работу эту один тащу, как могу. Ловлю людей, где придётся — на работе, в школе, в магазине. А тут ещё находятся такие, кто говорит, будто поборами я для своей пользы зМамамаюсь!

Сидящие за столом записались всё. Денег дали, сколько могли.

— Признаюсь вам откровенно, я очень устал, — пожаловался Фахри-бей, потягивая кофе. — Полковника больше часа искал. (Тут вошла Халима-ханум.) О-о! Халима-ханум, вы тоже здесь! Да полегчают заботы ваши. Надеюсь, вы здоровы, иншалла? Дети ваши работают хорошо. Неделю назад управляющего видел. Он очень доволен ими. Так чем ж дело-то ваше закончилось? — Успокоились, наконец?

— А что случилось, Халима-ханум?— встревожилась хозяйка.

— Гибельного ничего нет, но настрочили на меня донос в областной центр: якобы лечу, не имея диплома. Дело направили в суд. Явился жандармский офицер и отвёл меня в центр в наручниках. Вот ведь что делают с людьми сплетни! В суде выяснилось, что помогаю людям не из корысти, а по доброте своей облегчаю их страдания. Защищать меня пришлось очень много людей. В результате — оправдали.

— Ну что ты скажешь! — возмутился доктор. — Женщина сотням больных помогла на ноги встать. И знаний-то у неё больше, чем у молодых докторов. Случись такое в Америке, ей сейчас же выдали бы докторский диплом. А здесь в наручниках в суд волокут!

— Это невежеством называется, больше нет ничего! — сказала Халимаханум. — Видимо, жандармский офицер себя показать старался. Произошло удивительное совпадение! — Через два месяца собственная жена его в беду попала — разродиться не могла, — улыбнулась Халимаханум. — Присылают за мной, а я им: «Пусть поищут повитуху с дипломом!» и не пошла. Снова идут, умоляют помочь. «Пойду — говорю, — если жандармский офицер напишет, почему зовёт именно меня». Принесли письмо. Смотрю, а подписи нет. «Пусть, — говорю, — официальную бумагу пришлёт и подпись поставит». Отвечает: «Этого сделать не могу. Если жена умрёт, в суд на тебя подам за то, что не помогла». Я внимания не обртила на его угрозу. Через два часа идут с официальной бумагой и подписью. Тогда я поспешила. Жена его была без сил. Аллах помог: здоровый мальчонка родился, и жена поправилась. Только что была у меня, целовала мне руку. «Прости, ханум!» — говорит. Понятно, простила я, но высказала ей всё, что наболело... А всё ж нехороши дела мои: работу по уговору в расчёт не принимают. Получается, что восемь лет зря старалась. А могла бы теперь учительскую пенсию получать...

После чаепития сын доктора сыграл на пианино. Дети пели. Девочки, пошептавшись, решили исполнить романс на стихи Рамеева «Гори, сердце». Сююм села за инструмент, а Загида запела:

«Гори, гори, гори ты, сердце...»

Всё слушали с большим вниманием. Аплодисменты сопровождали возгласами одобрения: Машалла! Афарин!

— Дочка, — сказал доктор, — а другую нашу песню знаешь?

— Нет. Эта понравилась мне, я и выучила.

— А почему понравилась?

— Не знаю. По настроению она близка вам.

— А если точнее? Стихи верно выражают и настроение, и сокровенные наши чаяния.

— Это так, — согласилась Загида.

— Потому-то на территории Идели и Урала повсюду пели её и не было человека, который не знал бы. Только за одни эти стихи поэт достоин бессмертия! А ты знаешь хотя бы одного турка, чьи стихи были бы столь же известны и любимы? Нет, не знаешь. А почему? Потому что турку этому, живущему в Стамбуле, неведомо, чем живёт его народ, в какой духовной пище нуждается, что чувствует, о чём мечтает, почему страдает. Здешние поэты отличаются от наших именно этим. То же самое можно сказать о культуре в целом. Можешь ли ты назвать какую-нибудь драму или комедию, которые с одинаковым успехом ставились бы по всей Турции? Нет, не можешь, потому что в театре здесь играют только переводные пьесы, которые не затрагивают души турков. И пьес таких семьдесят из ста. Они чужды туркам, ибо написаны о другом народе и для другого народа. В стране этой воспитываются безродные бездуховные космополиты. И народ этот — смесь из албанцев, бушнаков, курдов, арабов, итальянцев, армян. В космополитическом обществе национальная культура, национальная литературная жизнь невозможны. Нет в нём турецкого духа, нет условий для его развития. В этом-то и состоит катастрофа турецкого общества...

Учитель Фахри встал.

— Всем вам большое спасибо, — сказал он, — доставая из кармана какие-то бумаги. — Хочу отчитаться, на что потратил восемьдесят одну лиру, которые собрал на Праздник сахяра.

— Не надо Фахри-бей, мы знаем.

— Ничего, вам не помешает послушать, — сказал учитель. — На одежду учеников ушло столько-то; на еду — столько-то; на книги столько-то. Вы не говорите, но, наверное, подозреваете, что я трачу на себя. Сейчас поеду в Банди. Морской инженер Габдрахман — из наших — уехал туда в летний свой дом. Если удастся поймать его и добыть для детей пять—десять лир, было бы неплохо. Интересно, поезд туда сейчас есть?

— В это время поезд ещё бывает, — ответили ему.

Прощаясь, учитель всё пожал руку.

— Вот уже лет пять, наверное, человек этот без устали печётся о детях, — сказал инженер Вахит-бей. — Через его руки прошли дети всех приезжих. Кого-то он в школу устраивает, кому-то помогает сдать выпускные экзамены, кому-то достает книгу, кому-то — деньги. Кто бы нами занимался, если бы не было его?

— Это в крови нашего народа, — сказал доктор. — Там, вы же помните, в каждой махалле был свой неуёмный человек. А здесь у нас второго такого нет. Он единственный. И государству мы безразличны. Так что народ вынужден заботиться о себе сам. Похожие редкие люди, творящие добрые дела, появляются лишь иногда.

— Да, что правда, то правда, — подтвердила Халима-ханум, — добрые дела у нас всегда держались на самоотверженности отдельных личностей. Возьмите хотя бы просветителей братьев Буби или Хусаиновых... А разве не были людьми редкой отваги те, кто прятал, спасая, десятки и сотни турецких офицеров, попавших в плен к русским в первую мировую войну? За свою человечность они сами были казнены. А во время второй мировой в плен к русским попало больше тридцати тысяч турков. Если читали репортажи шведского Красного креста, то знаете, как российские татары спасли пленных от голодной смерти. К сожалению, никто из оставшихся в живых турков не написал об этом ни слова. И когда большевистские газеты нападали на нас, никто из них не заступился.

Гости засиделись допоздна. Семья инженера отправилась домой лишь в полночь.

На следующий день Загида с утра занималась книгами, потом ходила с детьми купаться, с отцом говорила о людях, с которыми они общались вчера. Обед тоже прошёл без событий, без гостей. Семья пила кофе, когда пришёл человек в военной форме и протянул инженеру письмо. Получив расписку, он ушёл. Инженер вскрыл конверт. Наблюдавшая за ним Хадича-ханум заметила, как он изменился в лице.

— Что, снова в дорогу? — Она взяла бумагу и прочла. — Ну, никогда не дадут человеку отдохнуть, — вздохнула она и пожаловалась Загиде: — Вот так у нас всегда! Отца вдруг назначили руководителем комиссии по исследованию дорог в Тракии. Ты, когда едешь?— спросила мужа.

— Не знаю. Сегодня же должен явиться в контору руководителя. Поеду в Стамбул.

— Ведь и двух недель не отдохнул! Когда же вернёшься? Ещё не известно, какая погода будет. Ты никогда не отказываешься. Другой на твоём месте отвертелся бы как-то.

— Мы не для того приехали сюда, чтобы государство обманывать. Обязаны выполнять любые приказы.

Он встал и начал собираться. Всё были расстроены. Хадича-ханум спросила:

— Что приготовить тебе в дорогу? Надолго уезжаешь?

— Пока ничего не известно,— ответил Вахит-бей.— Думаю, на неделю, или дней на десять. Из Стамбула вернусь к ахшаму.

Он приехал, как обещал, ко времени вечерней молитвы и сказал:

— Завтра вечером отправляемся в Адерну поездом. Из дома поеду пароходом, который уходит в пять минут пятого.

Вечер и утро следующего дня прошли в дорожных приготовлениях. После обеда инженер Вахит отозвал Загиду в сторону и сказал:

— Такие вот дела, дочка. Не удалось нам с тобой подольше пообщаться. Когда вернусь, иншалла, у нас будет такая возможность. Ты здесь будешь? Только с матерью, дочка, непременно наладь отношения. Ты ведь знаешь, мы не собираемся лишать её дочери, ты не должна отдаляться от нас. Объясни ей это. Что до университета, уверен: учиться тебе надо. Возраст позволяет, да и желание, способности есть. Мне кажется, тебе больше подойдёт филология. Может, займёшься общетюркской литературой, откроешь новое направление в науке. Это было бы замечательно. Маму постарайся убедить. Расходы я возьму на себя. Только есть у меня одно условие, дочка. — Загида посмотрела на отца. — Жить во время учёбы будешь с матерью.

Загида молчала. Инженер добавил:

— Это вовсе не значит, что я не хочу, чтобы ты жила с нами. Не пойми меня превратно. Это лишь желание чтобы матери твоей тоже было хорошо. После занятий обедать будешь у нас, а вечером возвращаться к ней. Пусть не думает, что ты покинула её, обрекла на одиночество. Ты поняла меня?

— Хорошо, папа! Ты очень добр к матери. Ах, если бы и она в своё время была столь же великодушна к тебе!

— Не нужно осуждать её, кызым. Могут ведь быть вещи, которых ты не понимаешь. Что случилось, то случилось... От матери больше не сбегай. Пусть это не выглядит, как дочернее непослушание. Если будет в чём-то нужда, обращайся к Хадиче-ханум... Я обещал тебе, что улажу твои дела, но у матери нет никого, с кем я мог бы говорить. Родственников её я не уважаю, мнение их мне не интересно. Раньше был у матери старший брат, который способен был понимать. Умирая, он сказал: «Тяжёлое бремя ложится на твои неокрепшие плечи, зять».

Загида печально склонила голову, словно возложенный на неё долг тяжело навалился на неё, и ничего не ответила.

Дети пошли провожать отца. Ехать с ним в Стамбул он не позволил.

За ужином Хадича-ханум сетовала на трудности жизни. Сочувствуя ей, дети переговаривались шёпотом.

* * *

Загида не виделась с матерью больше недели. До сих пор не было случая, чтобы они разлучались так надолго... Малахат-ханум подумала с тревогой, не случилось ли чего с Загидой, и рано утром позвонила в продовольственный магазин на острове, попросила позвать Загиду или мадам...

— Привет, мадам Марика!

— Привет, Малахат-ханум.

— Как там наша Загида? — спросила мать.

Мадам Марика принялась рассказывать:

— У Загиды всё отлично! Если бы вы её видели — округлилась, похорошела, не девочка, а ягодка сладкая! Знаете, Загида отца нашла! Оказалось, что на родину он вовсе не уезжал, а жил в Анатолии. Девочка так рада встрече! А он оказался очень добрым, чего только не подарил ей — золотые часики, золотой браслет, кольцо, серёжки, платья. Загида теперь у нас, как дочь султана!..

— А сейчас она где?

— У них. Они всё время вместе. У неё маленькие родственники есть, очень даже милые детки... Они вместе едят, вместе пьют чай, вместе в гости ходят. Загида такая счастливая!..

Марика ещё много чего собиралась поведать, но Малахат-ханум перебила её:

— Мадам Марика, не говори Загиде, что я звонила, — сказала она и повесила трубку.

Ну как могла Марика утаить от Загиды такую новость? Конечно же, она скажет, только где она, Загида? Мадам выглянула в окно, в саду девушки не было. Видно, ушла к морю. Жаль! «А мать, похоже, рада-радёшенька», — пробормотала женщина себе под нос.

А на самом деле, новость была для Малахат-ханум словно ледяной душ. Ей казалось, будто кровь застыла у неё в жилах. Женщину трясло, как в лихорадке. Она помчалась на пристань. Села на первый пароход. В Хайбали

сошла на берег и отправилась к Марике. Рано увядшая Малахат-ханум предстала перед мадам словно ангел смерти: глаза ввалились, свет в них померк, губы синие.

— Где Загида?

— Ещё не вернулась...

Не дожидаясь ответа, женщина кинулась по лестнице вверх. Не слушая Марику, обвела глазами комнату дочери и увидела платья. Она не собиралась трогать их, но любопытство возобладало. Ханум внимательно осмотрела новые прекрасно пошитые платья. Мадам Марика выдвинула ящик стола и показала комбинашки.

— Обратите внимание, Малахат-ханум,— сказала она с восхищением,— какое бельё — всё из шёлка! — Потом кивнула на чулки,— целых шесть пар купили. Уж и не знаю, сколько это стоит. А туфли какие! Пойдите-ка, вот на браслет взгляните!

Малахат-ханум задыхалась от ненависти, но вещи всё же осмотрела. На столе лежали книги, напечатанные старым шрифтом. Желая остаться наедине, она сказала мадам Марике:

— Ты подожди Загиду внизу и, как только вернётся, позови сюда. Но обо мне — ни слова.

— Когда вернутся, отсюда будет видно, они живут по соседству, в том вон доме. Столуются всёгда в саду. Хорошо, я пойду, взгляну, — сказала мадам и вышла.

Оставшись одна, Малахат-ханум снова осмотрела подарки. Столько платьев у Загиды сроду не бывало. Часы, кольцо, предметы туалета, халат, плащ... Выходит, они богаты. В ящике, когда доставали вещи, она заметила сберегательную книжку. Открыв её, увидела детскую фотографию Загиды. Написано её имя. Она повертела книжку в руках, прочитала, что написано, и убедилась: перед ней подлинная сберкнижка. Да, такая была и раньше, когда они с инженером жили вместе. Он оставлял её дома. Малахат снимала деньги,

сколько хотела. Заглянула в конец... Несколько тысяч лир. Неужели это деньги Загиды?!

В соседнем саду слышались голоса. Малахат-ханум спрятавшись за занавеску, стала смотреть. Вот Загида под руку с девочками. Дочь подтянулась, щёки румяные, казалось, она излучает вокруг сияние. Марика позвала её. Через мгновение девушка стояла перед матерью. Загида, никак не ожидавшая увидеть её, опешила.

— Анам?..— Она замолчала, не зная, что сказать.

Малахат сердито посмотрела на дочь долгим, пристальным взглядом.

— Что ты натворила, девушка?

Столь суровый вопрос заставил Загиду вздрогнуть.

— Анам, я не сделала ничего плохого, просто нашла отца и его семью.

— И не стыдно тебе?! Разве для того я растила тебя, пожертвовала жизнью своей?

— Аннам, я не сделала ничего, что могло бы причинить тебе вред. Стыдиться мне нечего. — Она взяла в ладони руку матери. — Успокойся, ничего плохого я не сделала, нет причины так волноваться. Просто я нашла отца.

Малат-ханум заплакала:

— Ты постоянно делала всё, чтобы свести мои старания на нет. Совершенно не ценила того, что делала я, желая вырастить тебя изысканной, благородной девушкой. Ты снова вляпалась в эту татарскую трясины! Ты опозорила меня.

— Аннам, никого я не опозорила. Тем более тебя. В наших отношениях ничего не изменилось: ты — моя мать, я — твоя дочь... Как было, так всё и осталось. Изменилось лишь то, что я нашла отца. Я поняла, какое это великое счастье иметь отца. Никакой иной перемены нет.

— И что же теперь, я должна отдать им единственного своего ребёнка, которого вырастила с такими трудностями? Продать этим ничтожествам свою

безупречную во всех отношениях дочь? Нет, нет... Мы сейчас же едем домой! Забудь их!

— Анам! Я нашла своих близких, — говорила Загида сквозь слёзы. — Всё они родные мне. Я полюбила этих людей, и они хорошо ко мне относятся. Это так естественно, анам. Ты же любишь братьев бабушки. Я хорошо знаю, на что ты способна ради них. Я тоже имею право любить своих родственников. Или не имею?

— В таком случае убирайся к ним, ты не дочь мне! — крикнула Малахат.

— Как это не дочь? Подумай, что ты говоришь, как это возможно? К тому же я не собираюсь перебираться к ним. Но порвать с ними я не могу.

Вошла Гульчачак.

— Апа, мама обеих вас зовёт к чаю. Перемячи уже готовы.

— Солнышко моё, приехала мама, нам надо поговорить. Не ждите меня. Я после поем, с Марикой.

Удивлённая отказом девочка ушла. Загида взяла себя в руки, перестала плакать.

— Всё получилось случайно, — сказала она, — отца я нашла сама. Всё началось с того, что я встретила на пароходе этих девочек. Пойми же, в том доме о тебе не было сказано ни одного неуважительного слова. Напротив, вчера перед отъездом (отец уехал в командировку) он сказал мне: «Загида, не заставляй мать волноваться, прав на тебя, у неё больше, чем у меня. Ты нашла отца, это очень хорошо, только мать надо слушаться. Мне такое поведение тоже не нравится».

Малахат-ханум задумалась. Она была похожа на врага, у которого из рук выхватили оружие. Загида видела, что слова её подействовали на мать, и тоже притихла.

В это время в дверях появилась Хадича-ханум.

— Простите, Малахат-ханум! — сказала она, — хотя мы не виделись до сих пор, слышали друг о друге много. Я — мать сестёр и братьев Загиды. — Она протянула руку.

Малахат-ханум, по лицу которой скользнула тень страдания, нехотя подала свою.

— Дети сегодня с большим желанием готовили любимое блюдо Загиды. Они сообщили, что приехали вы. Я пришла, чтобы просить вас выпить с нами чаю. Мне понятно ваше состояние, Малахат-ханум, и всё же не откажите нам, хотя бы ради того, чтобы не обидеть детей, которые так старались. Дома у нас нет никого посторонних, и отец уехал по своим делам. Дети есть дети. Они не должны страдать оттого, что взрослые порой не могут понять друг друга. Вы же знаете, что малыши чувствительнее нас. И потом не стоит раньше времени посвящать их в дела взрослых.

Малахат-ханум растерялась от неожиданности и не знала, что сказать.

— Благодарю вас,— нашлась она, наконец, — я уже завтракала.

— Мы с вами понимаем, Малахат-ханум, что дело здесь не в еде. Для того, чтобы дети были вместе, важно, чтобы вы тоже сидели за столом. Дети так привязались друг к другу, что разлука болезненно отзовется на них. Ваше право позволять Загиде или не позволять чего-либо, поскольку вырастили её вы. Вы же и воспитали. Притом справились с этим так хорошо, что мы не перестаём удивляться вашему успеху. Я тоже мать и знаю, как нелегко растить детей. Уж и не знаю, что тут помогло — случай, или была на то высшая воля, — только дети наши встретились и познакомились сами. Раз уж так получилось, надо как-то развязать этот узел, не причиняя им боли. Мне кажется, что никто из женщин не пойдёт против блага своих детей. Поэтому, Малахат-ханум, я очень прошу вас, пожалуйста, не отказывайтесь от приглашения, раз уж так сложились обстоятельства.

Загида переводила взгляд с одной женщины на другую и ждала, чем закончится противостояние двух соперниц — людей, совершенно разных, совершенно по-разному понимающих жизнь.

Малахат-ханум сидела, уставясь в пол, и мучилась оттого, что не в силах была подобрать подходящие слова для достойного ответа. Её молчание Хадича-ханум приняла за согласие.

— Благодарю вас, Малахат-ханум, прошу, пойдёмте со мной.

Малахат тяжело поднялась. Взгляд её упал на зеркало, и она напугалась, увидев своё исхудавшее, как сушёная вобла, тело и безжизненное лицо. Она огляделась, словно ища что-то. Загида достала духи и побрызгала на руки матери. Та потёрла руки, лицо и, ни слова не говоря, медленно двинулась к двери. С одной стороны шла Загида, с другой — Хадича-ханум, которая, пытаясь заполнить чем-то неловкое молчание, говорила всё, что приходило ей на ум. Детям она сказала:

— Это мама вашей сестры, зовите её тутам.

Дети поцеловали гостью руку. Она внимательно смотрела на каждого. Глядя на мальчиков, сказала:

— Я тоже была бы рада иметь сына.

И тут же подумала: «А ведь на месте этой женщины могла быть я. Я сама погубила свою счастливую судьбу. Вот уж и последнего ребёнка теряю».

Дети стали разговаривать. Загида тоже присоединилась к их беседе. Казалось, она забыла о присутствии матери.

Хадича-ханум всё время говорила что-то, не забывая потчевать гостью. Перемячи Малахат-ханум очень понравились. Она ела один за другим, запивая чаем. Так она пыталась подладиться как-то к чужому дому и делала тем временем усилие привести в порядок мысли. Дети поели и вышли из-за стола. Загида, встревоженная и растерянная, осталась одна в обществе двух женщин. Ей хотелось уйти, и она ждала лишь подходящего момента. Он настал быстро. Дети позвали её:

— Апа!

И они всё вместе, смеясь, принялись бегать, догоняя друг друга.

— Взгляните на Загиду, Малахат-ханум! — сказала хозяйка. — Она закончила лицей, а всё ещё ребёнок. Посмотрите, сколько удовольствия получает от общения с детьми. И это справедливо. Как говорится, кто рос одиноким, так и жизнь его пройдёт в одиночестве. Разве не грех лишать её детства? Пусть ещё поживёт счастливой, беззаботной жизнью. Пройдёт время,

и трудности разрешатся сами собой. Я лишь об одном прошу вас: не запрещайте Загиде бывать у нас, отдыхать здесь душой. Пусть приходит в любое время, когда ей захочется. Она спросила отца: «Как ты смотришь, если я поступлю в университет?» Отец ответил: «Сначала узнай, что думает об этом мать». Загида умная девушка. У неё есть желание учиться. Я неделю внимательно наблюдала за ней, Малахат-ханум. Машалла, она схватывает всё на лету. Хотя и очень молода ещё.

Дети подняли гвалт. Сад заполнили звонкие голоса, смех. Громче всех смеялась Загида.

— Ну подумайте, Малахат-ханум, какой она ещё ребёнок! На вид, вроде, большая выросла, а в душе всё ещё дитя. Ей рано думать о своей семье. У меня нет права решать эти дела, но если она поступит в университет, всё мы будем очень рады. Конечно же, для того, чтобы выйти замуж, диплом не нужен. Но выдавать девочку, мало что понимающую в жизни, — это никогда хорошо не кончается. Для замужества женщина тоже должна созреть.

Мало-малому Малахат-ханум оживала и в ответ на слова Хадичи-ханум произносила два-три слова. Та и этому была рада, повторила слова мужа, которые он говорил дочери перед отъездом.

— Отец сказал Загиде, что учёбу в университете одобряет и всё расходы возьмёт на себя. «Только с условием,— сказал он,— что жить будешь с матерью».

Не называя имени бывшего мужа, Малахат-ханум проговорила:

— Да, он всегда был добрым. Оказывается, несмотря ни на что, он продолжает относиться ко мне великодушно.

Женщина опустила глаза, изо всех сил стараясь сдержать подступившие слёзы. Она сознавала, что поединок полностью проигран ею.

Хадича-ханум заговорила о другом. Она была рада, что ей удалось объяснить, как важны для Загиды столь удачно сложившиеся обстоятельства, и обеспечить девочке свободу действий.

Малахат-ханум решила остаться на ночь. Загида прибежала к матери, и они вдвоём, не спеша, пошли в комнату Загиды. Вихри страстей улеглись, жизнь Загиды вернулась в нормальное русло. Теперь всё дальнейшие события пойдут по естественному пути.

На другой день провожать Малахат-ханум на пароход отправились всё вместе. Мать Загиды с большим чувством пожала руку Хадиче-ханум — женщине, которой проиграла поединок, и сказала:

— Я от всего сердца благодарна вам за доброе отношение к моей дочери, за всё, что вы для неё сделали, Хадича-ханум!

Она пошла на пароход. Голова была опущена, отчего туловище казалось короче. На лице проступила печать страха. Глядя на дочь, которая махала ей платочком, Малахат-ханум думала о том, что теряет её. У неё не было сомнения, что Загида будет жить с ней. Но рядом окажется лишь её тело, а душой она навсегда срослась с этими людьми. Это было ясно, как день.

— Что ж, — вздохнула Малахат-ханум, — знать, такая у меня судьба.

На глаза ей навернулись слёзы и скатились по щекам.

Пароход уносил её всё дальше.

Стамбул, 1943.

Перевод с татарского

Азалии-Килеевой-Бадюгиной

Перевод осуществлён по изданию:

Исхакый Г. Эсэрлэр. В 15 томах. 5 том/төз.

Л. Гайнанова. — Казань: Татар. кит. нәшр., 2001